

Германский исторический институт
в Москве

Правящие элиты и дворянство России во время и после петровских реформ (1682–1750)

Ответственные составители
Н. Н. Петрухинцев
Лоренц Эррен

Ответственный редактор серии
А. В. Доронин

РОССПЭН
Москва
2013

С. В. Польской

Двор и «придворное общество» в послепетровской России

История монархических дворов в раннее Новое время достаточно долго не вызывала интереса серьезных историков, оставаясь преимущественно вотчинной романистов. Благодаря Норберту Элиасу и его социологическому подходу к анализу королевской власти и «придворного общества» (*Die höfische Gesellschaft*) ученые обратились к изучению роли двора в процессе «модернизации» Европы. В последнее время, в связи с пересмотром традиционной концепции «абсолютизма», историки все чаще говорят о важной роли двора в системе властевования в XVII–XVIII вв. Социальное измерение двора — «придворное общество» — также выполняло особые функции в развитии отношений между монархом и элитами, эта социальная «фигурация» была следствием политических изменений, но и сама стала причиной важных социально-культурных трансформаций.

В отечественной науке русский двор XVII–XVIII вв. благодаря новейшим исследованиям П. В. Седова и О. Г. Агеевой предстал в многомерном срезе своего бытия и развития¹. Однако роль двора и «придворного общества» в системе управления империей, как нам кажется, остается далеко не изученной. Нас интересует двор XVIII в. не как институция или хозяйственная организация (эти вопросы уже раскрыты в существующей историографии), а прежде всего — как центр кристаллизации элиты, как особая социальная «фигурация», представители которой обладают особым габитусом. Наш подход к исследованию двора не институциональный, а скорее социокультурный и компаративный, поэтому предметом изучения является собственно «придворное общество», а не сам двор как формальная организация. Ранее мы обращались к проблеме формирования «придворного общества» в России, попытавшись связать основные положения теории Н. Элиаса с развитием социально-культурных процессов эпохи². Данная статья посвящена более широкому кругу вопросов, важ-

нейшими из которых является определение значения двора в системе властевования и анализ основных характеристик «придворного общества» в России второй четверти XVIII в.¹

Двор раннего Нового времени как историографическая проблема

Заслуга «первооткрывателя» темы двора и «придворного общества» в современной историографии, безусловно, принадлежит немецкому социологу Норберту Элиасу (1897–1990). Как писал голландский историк Йерун Дейндам, «в последние полвека двор был пробужден от историографической спячки, возможно, главную роль в этом сыграл Норберт Элиас: его эпохальные труды восстановили значение и легитимность двора как темы исследования среди поколения историков»². Элиас изложил свои идеи в диссертации «Придворный человек. К социологии двора, придворного общества и королевского абсолютизма» еще в начале 1930-х гг., однако впервые эта работа была опубликована только в 1969 г., вместе с переизданием его знаменитого «Процесса цивилизации» (1939), где двор также стал одной из центральных тем исследования³. Несмотря на новые подходы и методологические приемы, использованные ученым, оба сочинения Элиаса опирались на узкий круг источников, а также на исторические исследования первой трети XX в., многие положения которых сегодня выглядят явными анахронизмами. Хотя немецкий историк Юрген фон Крюденер в своей монографии «Роль дворов в Абсолютизме» (1973)⁴ развивал сходные с Элиасом тезисы на более широ-

ся/Classical Russia, 1700–1825. Альманах под. ред. Е. Н. Марасиновой. 2007. Т. 2. № 1–2. С. 117–143.

¹ Статья создана на основе доклада, подвергнутого основательной переработке и пересмотру после его обсуждения на конференции «Правящие элиты и дворянство во время и после петровских реформ» (ГИИМ, 9–11 июня 2011 г.). Автор выражает глубокую признательность Марине Виленовне Бабич, Саймону Диксону, Лоренцу Эррену за критические замечания и ценные советы.

² Duindam J. F. J. Vienna and Versailles: the courts of Europe's dynastic rivals, 1550–1780. Cambridge, 2003. P. 7.

³ Рус. переводы: Элиас Н. Придворное общество: Исследование по социологии короля и придворной аристократии, с Введением: Социология и история. Пер. с нем. А. П. Кухтенкова, К. А. Левинсона, А. М. Перлова и др. М., 2002; он же. О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования. Т. 1–2. Пер. с нем. А. М. Руткевича. М. – СПб., 2001.

⁴ Krüdener J. F., von. Die Rolle des Hofes im Absolutismus. Stuttgart, 1973.

¹ Седов П. В. Закат Московского царства. Царский двор конца XVII века. СПб., 2006; Агеева О. Г. Преобразование русского двора от Петра I до Екатерины II. Автореферат дисс. на соискание уч. степени д.и.н. М., 2007; Агеева О. Г. Императорский двор России, 1700–1796 гг. М., 2008.

² См.: Польской С. Формирование «придворного общества» в России: императорский двор и дворянство в середине XVIII века // Имперская Рос-

ком европейском материале, сейчас его труд подвергается равной критике. Влияние концепции Элиаса оказалось значительным, прежде всего во французской социологии и немецкой историографии¹. В частности, в ряде работ немецких историков иллюстрируются идеи Элиаса на обширном источниковом материале². В последнее время возросло количество критических исследований, авторы которых отвергают или пересматривают теорию возникновения «придворного общества», однако многие историки не спешат отказываться от целого ряда ее положений. Так, неумолимый критик Элиаса, произведший деконструкцию его теории «придворного общества», И. Дейндан все же заключает, что «Элиас прояснил многие модели поведения элиты, и некоторые из его концепций, несомненно, по-прежнему имеют большое значение для изучения придворной жизни»³.

В исследованиях Н. Элиаса «придворное общество» выступает как важный фактор развития «процесса цивилизации», именно оно изменило сам характер общения и поведения людей, установив новые культурные приоритеты, которые постепенно «транслировались» на все европейское общество. По мнению социолога, современная «цивилизованность» западного человека имеет своим истоком культуру «придворного общества», которое было тесно связано со становлением режима абсолютизма. Элиас, обращаясь к исследованию французской придворной культуры XVII–XVIII вв., четко различает собственно двор правителя и «придворное общество», которое является «формой интеграции людей», «своеобычным социальным образованием», возникающим при дворе абсолютного монарха. Придворное общество во Франции, это те *«gens de Cour»*⁴, которые образуют «высший свет» (*«monde»*), то *«société polie»*⁵, которое было законодателем «хорошего вкуса», это не только придворные, но и люди, допущенные ко двору монарха и бывающие там. Причины возникновения «придворного общества» Н. Элиас видит в борьбе между фрондирующей аристократией и усиливающимся абсолютизмом, он неустанно подчеркивает, что «всякая форма господства является выражением со-

¹ Влияние идей Элиаса на французскую интеллектуальную жизнь второй половины XX в. было настолько велико, что это позволило Д. Гордону говорить о «канонизации Элиаса во Франции». Несомненно влияние Элиаса на труды П. Бурдье, М. Фуко, Р. Шартре. См.: Gordon D. The Canonization of Norbert Elias in France: A Critical Perspective // French Politics, Culture & Society. 2002. Vol. 20. №. 1. P. 68–94

² См.: Bauer V. Die hofische Gesellschaft in Deutschland von der Mitte des 17. bis zum Ausgang des 18. Jahrhunderts. Tübingen: Niemeyer, 1993.

³ Duindam J. Vienna and Versailles. P. 7.

⁴ Придворные (фр.). (Прим. ред.)

⁵ Лошеное общество (фр.). (Прим. ред.)

циальной борьбы, закреплением такого распределения власти, которое соответствует исходу этой борьбы¹. Не является исключением и «придворное общество», возникновение которого во Франции было во многом связано с последствиями Фронды². Но кроме политических причин, Элиас указывает на экономические и социальные изменения, повлекшие «упадок аристократии» и усиление абсолютизма. Так, приток в Европу драгоценных металлов в результате Великих географических открытий привел к увеличению оборотных средств, а, следовательно, к обесцениванию денег и росту цен. Дворянство разорялось, поскольку оно уже не могло существовать за счет «фиксированной земельной ренты». Экономически ослабленное дворянство стремилось занять место при дворе и там попадало в зависимость от королевских милостей и вознаграждений. В то же время королевская власть экономически усиливается, так как ориентируется не на земельные доходы, а на налоговые поступления, черпая «из денежных средств своих подданных»³. Благодаря изменениям в военном деле создается регулярная армия, а значит и исчезает зависимость короля от военных услуг дворянства. Казалось бы, дворянство полностью теряется в новых условиях, но королевская власть нуждается в аристократии для «дистанцирования» от остального общества. Отсюда рождается «амбивалентное отношение между королем и дворянством»⁴. При этом «военные и дипломатические функции дворянства также были... производными от этих придворных функций», так как дворянин мог получить назначение на должность, только присутствуя при дворе, находясь на виду у короля⁵. Постоянное «наличие» элиты в поле зрения монарха демонстрировало лояльность ее членов и способствовало контролю над ней со стороны монарха. Таким образом, по мнению Элиаса, во Франции само существование дворянства в XVII–XVIII вв. было неразрывно связано с «придворным обществом».

Сейчас аргументации Элиаса выглядят явным анахронизмом, однако его анализ двора как особой системы, которая «предписывала

¹ Элиас Н. Придворное общество. С. 182.

² Как пишет Элиас, «в плоть и кровь Людовика XIV в силу опыта его юных лет накрепко вошло ощущение угрозы, исходившей от дворянства – особенно от ближе всего стоявшего к нему высшего дворянства» (Элиас Н. Придворное общество. С. 241).

³ Элиас Н. Указ. соч. С. 188–189.

⁴ Там же. С. 221.

⁵ Элиас цитирует Сен-Симона – «безусловная опала угрожала тем, кто никогда не показывался <...> когда шел вопрос о чем-нибудь в их пользу, роль гордо отвечал: “Я совсем его не знаю”» (там же. С. 243).

тому, кто желал властвовать в ней или из нее, совершенно специфические пути или средства господства», менее устарел. Элиас рассматривает двор как «поле господства», где действовали личности и группы с разными целями, а монарх должен был контролировать их и не дать объединиться против себя¹. Правитель использует при дворе специфические стратегии контроля, вознаграждения и наказания, общей чертой которых является их символическая природа. Физическое принуждение и насилие было практически полностью исключено из придворной жизни, основой господства здесь выступала символическая власть². При дворе действует особая «механика»: «каждый автоматически контролирует другого», и этому способствует этикет и церемония, действовавшие как «сигнальный аппарат» системы³. Этикет для монарха – это инструмент не только дистанцирования, но и господства, с его помощью монарх устанавливает, контролирует отношения внутри элиты⁴. «Фетиши престижа» (участие в церемонии, место в процессии или за столом, и т. д.) во многом определяет поведение придворного, так как смысл социальной реальности заключается для него в ранге и авторитете. Элиас утверждает, что для придворного восхождение или падение в иерархии, понижение престижа, означало «столько же, сколько значит для купца прибыль или убыток в торговле». Соответственно эти социально-психологические установки придворных использовались монархом как основа для поддержания «механики» церемониала, и сами придворные внимательно следили за соблюдением всех мелочей этикета, дабы избежать символического ущерба. Таким образом, в рамках «придворного общества» формируется «специфическая форма рациональности», основанная на контроле над эффектами и расчетливом планировании собственной стратегии. Придворная рациональность стала «главным инструментом в постоянной конкуренции за статус

¹ Элиас Н. Указ. соч. С. 148. Элиас здесь дает следующее определение «поля господства», это «переплетение взаимосвязей людей и групп людей, которые действуют сообща или друг против друга во вполне определенном направлении».

² Это заметил еще герцог де Сен-Симон, который, наблюдая за Людовиком XIV, описал его стратегию в одной короткой фразе «Il en substitua donc aux véritables d'idéales» («он заменил реальные вознаграждения воображенными»). Сен-Симон писал, что король использовал многочисленные праздники, прогулки и загородные поездки как «средство отличить или унизить» придворных, он «со свойственным ему величайшим искусством придумывал ежедневно» новые преимущества и отличия (Saint-Simon. Mémoires. T. 2. Moscou: Editions du Progrès, 1976. Р. 212; Сен-Симон. Мемуары. Пер. Ю. Б. Корнеева. Кн. 2. М., 1991. С. 188.).

³ Элиас Н. Указ. соч. С. 164–165.
⁴ Там же. С. 108.

и престиж»¹. Причем эта рациональность проявляется не только в поведении придворного, но и самого монарха, который также должен подчинить свою жизнь определенному порядку, нашедшему свое выражение в этикете. Эта скованность правителя этикетом вела к отсутствию у него «частной жизни» в буржуазном смысле слова: жизнь короля, так же как и жизнь придворных, проходила на виду, публично. Взаимозависимость монарха и элиты была важнейшим фактором в сложной социальной «фигурации», каким являлось «придворное общество».

Элиас заметил, что двор служил одновременно «и укрощению, и поддержанию дворянства», только здесь дворянин мог сохранить свой высокий социальный статус, но в то же время положение обязывало его соответствовать тем культурным и символическим требованиям, которые предъявлял двор². В результате происходит «трансформация *habitus'a*», изменение социально-психологических характеристик представителя группы. Элиас сравнивает буржуазный этос и этос дворянства эпохи *Ancien Régime*. Существенное отличие он находит в отношении к использованию экономических ресурсов: для буржуа характерен этос «экономии ради будущей прибыли» («подчинять расходы доходам»), в то время как для «хорошего общества» – «этос статусного потребления» («соразмерять расходы с рангом»)³. Статус и престиж для придворного важнее экономического баланса, что ведет к необъяснимому, с точки зрения буржуазного «здравого смысла», образу жизни французской «старорежимной аристократии» или «русского барства».

Критика концепции Элиаса была непосредственно связана с пересмотром старых исторических теорий возникновения современного государства, в том числе с ревизией содержания концепта « абсолютизм », на которых некогда базировался немецкий ученый, объясняющий причины возникновения «придворного общества». Эта «фундаментальная реинтерпретация» государства раннего Нового времени в историографии началась в 1970-х гг. и привела к появлению более сложного понимания социально-политических процессов эпохи, в том числе отношений дворянства и монархии⁴. В результате уже в

¹ Элиас Н. Указ. соч. С. 118.

² Дворянин, оказавшийся при дворе испытывает «постоянное давление», а «сеть зависимостей» требует от него «непрестанного самоконтроля... и новых форм поведения в общении с другими людьми» (Элиас Н. О процессе цивилизации. Т. 2. С. 273).

³ Элиас Н. Указ. соч. С. 87.

⁴ См., к примеру: The Courts of Europe. Politics, Patronage and Royalty, 1400–1800 / ed. A. G. Dickens. London, 1977.

1980-е гг. историки, основываясь на детальных исследованиях, открыто атаковали концепцию абсолютизма как устаревшую и не соответствовавшую реальному положению вещей. Оказалось, что базовые для Элиаса положения об усилении буржуазии и падении значения дворянства, высоком уровне модернизации в Европе раннего Нового времени во многом преувеличены. Напротив, в это время дворянство активно приспособливается к инновациям; оно изменяется, но остается по-прежнему устойчивым и сильным. Степень реальной власти «абсолютного» монарха была ограничена финансовыми возможностями, слабостью развития бюрократического аппарата (параллельно которому успешно функционировала система аристократического патроната) и, наконец, необходимостью уступок региональным элитам и неосуществимостью полного государственного контроля на местах¹. Суммируя самые крайние тезисы «ревизионистов», Й. Дейндан пишет, что абсолютизм фактически существовал, но только как «осознанное представление правительства — как предмет желаний, демонстрируемый на самом высоком уровне, но лишь частично подкрепленный конкретными достижениями»². В результате в современной исторической науке концепт абсолютизма, если не отвергнут полностью³, то существенно пересмотрен. Соответственно, концеп-

¹ Пересмотр устоявшихся взглядов на классический французский абсолютизм в работах: Mettam R. Power and Faction in Louis XIV's France. New York, 1988; Kettler Sh. Patrons, Brokers, and Clients in Seventeenth-Century France. New York, 1986. Наиболее полный и заостренный обзор проблемы абсолютизма в современной историографии представлен в дискуссионной работе Николаса Хеншела. См.: Henshall N. The Myth of Absolutism; Change and Continuity in Early Modern European Monarchy. New York, 1992 (рус. перевод: Хеншелл Н. Миф абсолютизма. Пер. А. А. Паламарчук. СПб., 2003). Впрочем, еще задолго до Хеншеля Жорж Дюран писал: «Viewed as a tendency rather than as a political system, absolutism is an undeniable reality. In every state the sovereign sought to free himself from pressure and control. <...> As an actual political system, absolutism is a myth. The monarchs themselves never regarded themselves as absolute... In practice absolutism seems much more the result of circumstances and personalities than of a deliberate intention to revolutionise the whole structure of the state» (Durand G. What is absolutism? // Louis XIV and absolutism / ed. by R. Hatton. London, 1976. P. 23–24)

² «Absolutism was a conscious presentation of rulership — an ambition demonstrated on a grand scale, but only partly underpinned by concrete achievement» Duindam J. Vienna and Versailles. P. 10–11. Пример классического конструирования и использования образа абсолютного монарха представлен в монографии Питера Бёрка: Burke P. The Fabrication of Louis XIV. London, 1992.

³ Что вряд ли это возможно, как в силу историографической традиции, так и вследствие необходимости обозначения особого переходного периода в истории европейского государства, которое значительно усложнилось по

ция Элиаса также не могла оставаться неизменной. Сама теория «процесса цивилизации» была подвергнута критике, так же как и составляющая ее концепция «придворного общества»¹.

Французские историки показали, что двор Людовика XIV, выбранный Элиасом как классический образец развития «придворного общества», во многом не соответствовал схемам немецкого социолога Эммануэль Ле Руа Ладюри, упрекая Элиаса за телеологический подход, утверждал: «.. признавая заслуги Н. Элиаса как великого историка нравов, мы, без сомнения, должны показать слабость его теории, согласно которой буржуазные нравы происходят из гипердворянского придворного общества Версаля»². Робер Мишамбле, используя отдельные положения Элиаса, все же продемонстрировал значимые расхождения его схемы с реалиями. Так оказалось, что формирование новых моделей поведения началось в городской культуре значительно ранее возникновения «придворного общества» — на рубеже XVI–XVII вв., и двор не создает, но скорее адаптирует новые ценности уже в правление Людовика XIII, а не его сына³. Это прямо противоречило идеи Элиаса о «трансляции» и «кондиционировании» придворных образцов поведения на город, страну, Европу⁴. В то же время Людовик XIV не стремился принизить или подавить дворянство — наоборот, королевский двор культивировал дворянские ценности.

В своих последних работах Й. Дейндан суммировал данные новейших исследований для пересмотра концепции «придворного

сравнению со средневековым, но еще не приобрело черт современного государства. См. взвешенную позицию по этому вопросу в кн.: Wilson P. N. Absolutism in central Europe. London, 2003.

¹ Неумолимым критиком «процесса цивилизации» Элиаса стал швейцарский антрополог Х. П. Диорр, опубликовавший 5 томов «Der Mythos vom Zivilisationsprozeß» (1988–2002). Об основных аспектах критики Диорра см.: Krieken R., van Norbert Elias. London, New York, 1998. P. 114–129. Критическое рассмотрение теории Элиаса в сравнении с постмодернистскими концепциями см. также: Burke P. Civilisation, Discipline, Disorder: Three Case-Studies in History and Social Theory // The Post-modern Challenge: Perspectives East and West / eds. by B. Strath and N. Witoszek. Amsterdam, 1999. P. 97–115.

² Le Roy Ladurie, E. Saint-Simon and the court of Louis XIV. Chicago, 2001. P. 352.

³ Muchembled R. La société policée. Politique et politesse en France du XVIe au XXe siècle. Paris, 1998.

⁴ Ранее эту идею подверг критике Д. Гордон, продемонстрировав альтернативные варианты «цивилизационного процесса» в городской культуре Франции. См.: Gordon D. Citizens Without Sovereignty: Equality and Sociability in French Thought, 1670–1789. Princeton, 1994.

общества» Норберта Элиаса¹. Суть критики голландского историка сводится к утверждению, что социально-культурные посылки Элиаса не имеют достаточного исторического основания. Прежде всего, не подтвердились тезисы об «упадке аристократии» и «возвышении среднего класса», их пересмотр разорвал «порочный круг доказательств». Подвергнув сомнению стандартное изображение двора как золоченой клетки для дворян, отстраненных от власти и вовлеченных в разрушительные местнические споры, Дейндам показал, что придворные сановники были интегрированы в систему управления государством и обладали как высоким статусом, так и властью и влиянием – благодаря прямому доступу к монарху. Поэтому принятие государственных решений в эту эпоху было связано с системой патроната, борьбой фракций и фаворитизмом. Дворянство не испытывало политического давления и не принуждало себя к жизни при дворе, наоборот, его представители сами активно стремились туда².

Дейндам особо отметил, что церемониал имел более широкий набор функций и не был исключительно «инструментом господства», с помощью которого монарх перенаправлял необузданную энергию дворянства в мирное русло: «...церемониал мог служить инструментом власти, но он также предъявлял требования к самому правительству. Монарх, который не мог устоять перед силой традиции, становился пленником этого инструмента»³. Двор выполнял функцию пространства «социального диалога» для разных социальных групп и институтов: здесь представители элит из разных провинций государства могли регулярно встречаться, привлекаемые постами, титулами и привилегиями. Если Элиас не придавал значения той роли которую при дворе играла религия, то по мнению Дейндама, именно она являлась главной структурирующей силой для ежедневного и годового ритма жизни двора. Разделение придворной и государственной службы, профессионализация последней, имели место в XVII–XVIII вв., но в европейских государствах раннего Нового времени эти процессы были медленными и неоднозначными. Таким образом, в эту эпоху двор оставался «наиболее распространенной формой власти» и ме-

¹ Duindam J. *Myths of Power. Norbert Elias and the Early Modern European Court*. Amsterdam, 1995; idem. *Vienna and Versailles. The courts of Europe's Dynastic Rivals 1550–1780*. Cambridge, 2003.

² «The nobility was not coerced into changing its behavior. Rather, beginning at the end of the sixteenth century, it attempted to an increasing degree to assert its power through the court. The new orientation enabled the upper nobility gradually to dominate the court and to confirm its position as an elite and as an example to society» (Duindam J. *Myths of Power*. P. 179).

³ Duindam J. *Myths of Power*. P. 133.

стом кристаллизации правящей элиты¹. В своих последующих работах Й. Дейндам пошел по пути компаративистики: обратившись к сравнительному анализу европейских дворов, он открыл общие и различные черты придворной жизни раннего Нового времени. В то же время голландский историк не без иронии замечает, что двор в современной историографии «fell between the two stools of political and cultural history»², поскольку историки культуры продолжают воспроизводить устаревшие схемы «абсолютизма», игнорируя новейшие политические исследования двора³.

Несмотря на критику и пересмотр теории Элиаса, концепция «придворного общества», особенно в части анализа моделей поведения «придворного человека», устояла и продолжает использоваться историками, иногда на самом разном историческом материале⁴. Как отмечает Энтони Спауфорт, в современной науке «нет единой модели двора, под которой могли бы подписать все историки раннего Нового времени»⁵. Мы также полагаем, что многие наблюдения Элиаса сохранили свою ценность для исследователей двора и придворной культуры, но в то же время новейшие компаративистские исследования монархических дворов⁶ позволяют по-новому взглянуть на по-

¹ «Двор раннего нового времени был апофеозом старой традиции. В прединдустриальную эпоху, двор государя был наиболее распространенной формой власти. По этой причине, для исследований двора скорее полезны методы межкультурного сравнения и изучение предшествующей истории, чем модели, которые сфокусированы на модернизации Европы... Двор обычно выступал одновременно и как затравочный кристалл лояльности населения, и как образец должных манер. Поэтому, элиты, собиравшиеся при дворе, придавали форму и содержание, как государству, так и моделям поведения» (Duindam J. *Myths of Power*. P. 192).

² Провалился между стульями политической и культурной истории (англ.) (Прим. ред.)

³ Duindam J. *Rival Courts in Dynastic Europe: Vienna and Versailles 1550–1790* // *The Court Historian – The International Journal of Court Studies*. December 2002. Vol. 7. № 2. P. 76.

⁴ Исследователи обнаружили отдельные элементы «придворного общества» в античных и средневековых монархиях, и даже в системе колониального управления Нового света. См.: *The Court and Court Society in Ancient Monarchies* / ed. by A. J. S. Spawforth. Cambridge, 2007, Costa Gomes R. *The making of a court society: kings and nobles in late medieval Portugal*. Transl by A. Aiken. Cambridge, 2003; Rosenmüller Ch. *Patrons, Partisans, and Palace Intrigues: The Court Society of Colonial Mexico, 1702–1710*. Calgary, 2008.

⁵ Spawforth A. *Introduction* // *The Court and Court Society in Ancient Monarchies*. P. 7.

⁶ Одна из последних публикаций в серии «Rulers & Elites. Comparative Studies in Governance», посвященная этой проблеме: *Royal courts in dynastic*

литическую жизнь русского двора и пересмотреть ряд устоявшихся положений.

Почему Московский двор не имел «придворного общества»?

В своем разностороннем исследовании жизни московского двора в 1667–1682 гг. П. В. Седов выдвинул тезис о формировании «придворного общества» в России во второй половине XVII века¹. Двукратное увеличение численности «государева двора» на протяжении века, материальные льготы его членам, которые выделяли их из общего ряда «служилых людей», возвышение «спальников» в чиновной иерархии и зарождение системы фаворитизма приводятся автором среди прочих аргументов в пользу удревнения «придворного общества» в России. Не отрицая, что отдельные элементы новой придворной культуры, несомненно, начинают складываться в указанную эпоху, мы все-таки полагаем, что «придворное общество» отсутствовало в Московском государстве и его возникновение связано с особой социально-политической ситуацией сложившейся в послепетровскую эпоху.

Как и любой другой двор средневековой Европы, Московский двор, конечно, обладал своеобразной культурой, набором ритуалов и церемоний и, конечно, определенной группой придворных «чинов». Но придворная культура и та социальная общность, которая воспроизводила традиционные практики этой культуры, не могла быть «придворным обществом» в том значении, какое вкладывал в этот термин Норберт Элиас. Для него «придворное общество» есть важная, если не решающая ступень в становлении и развитии современной цивилизации. Это веха, обозначившая переход от человека средневекового к человеку современному, и даже если «придворное общество» не было инициатором этого процесса, как считает Р. Мишамбле, оно, несомненно, было его индикатором. «Придворное общество» представляло собой не только социально-политическое образование, но скорее культурный феномен, оказавший значимое воздействие на формирование индивидуалистического мировоззрения. Высокая степень взаимозависимости его членов диктовала индивиду анализ своих поступков и строгий самоконтроль при дворе, это гарантировало ему успех и выживание в непрекращающейся борьбе за престиж и влияние. Наконец, «придворный человек» был носителем общего га-

states and empires: a global perspective / ed. by J. Duindam, T. Artan, M. Kunt. Leiden; Boston, 2011.

¹ Седов П. В. Закат Московского царства. Ч. I. Гл. 2.

битуса, предполагавшего не только высокую степень самоконтроля, но и культуры. Самоконтроль и индивидуализация вели в конечном счете к разделению публичного и приватного. Придворный, большую часть жизни проводивший «на публике», стал нуждаться в «личном пространстве», что сказывалось не только в появлении «мест уединения», «кабинетов», но и в становлении различных жанров этого документов (дневников, автобиографических записок, мемуаров и т. п.), наиболее полно отразивших процесс индивидуализации.

Московский двор не имел «придворного общества»: он так же не походил на Версальский двор XVII в., как не походили на него средневековые европейские дворы. Для них был характерен преобладающий религиозный характер церемоний¹, отсутствие контроля аффектов со стороны придворных и публичное выражение чувств и эмоций как самого государя, так и его приближенных. Возникающие между придворными конфликты, как правило, разрешались насилием – физическим или символическим. В XVI – начале XVII в. как в Лувре или Уайтхолле, так и в Кремле публичное оскорбление, избиение и даже убийство могло происходить на глазах монарха или даже с его личным участием². Сам облик этих «ренессансных» дворцов отражал

¹ Пол Бушкович утверждает, что культура Московского двора, как и вся русская культура XVI–XVII вв. «в целом носила, в сущности, религиозный характер» – «как в материальном оформлении дворца, так и в придворном церемониале подчеркивалось превосходство божественного начала над человеческим». Бушкович П. Петр Великий: борьба за власть (1671–1725). Перевод Н. Л. Лужецкой. СПб.: Дмитрий Буландин, 2008. С. 28, 25–26.

² В очередном местническом споре в 1626 г., выведенный из себя «кроткий» царь Михаил Федорович зачинщика Дмитрия Войкова «лаел его матерны, и называл его сынчишком боярским» (Дворцовые разряды. Т. 1. 1612–1628 гг. СПб., 1850. Стлб. 795–796). «Тишайший» Алексей Михайлович, сообщал А. И. Матюшкину: «.. тем утешаюся, что столников безпрестанни купаю ежеутр в пруде.. кто не поспеет к моему смотру, так того и купаю; да после купания жалую», да и сами стольники «говорят: мы-де нороком не поспеем, так-де и нас выкупают да и за стол посадят» (Собрание писем царя Алексея Михайловича. Изд. П. И. Бартенев. М., 1856. С. 78). Неконтролируемые аффекты, могли привести к царскому «рукоприкладству», как это было в случае с Р. М. Стрешневым и И. Д. Милославским (См.: Платонов С. Ф. Лекции по русской истории. М., 1993. С. 416.). То же самое можно было наблюдать и при других европейских дворах, особенно если дело шло об «опале» придворного: его не только унижали, но и могли убить на глазах двора, как это случилось в Лувре с маршалом д'Анкром, убитым по приказу Людовика XIII в 1617 г. Чуть ранее королева Маргарита де Валуа описывала, как во время Варфоломеевской ночи в ее покоях, буквально у ее ног, «закальвают» придворных-гугенотов (см.: Мемуары королевы Марго. Пер. С. Л. Плещковой. М., 1996. С. 68–69).

особенности мышления государей и придворных. В экsterьере отсутствовала доминирующая идея монархического могущества, а их архитекторы не стремились воплотить представление о силе и величине королевской (царской) власти, заботясь лишь о функциональности своих построек. Эти сооружения представляли собой хаотическое на-громождение парадных и жилых покоев, сооруженных в разное время без первоначального проекта, а организующими факторами выступали только ландшафт местности и хозяйствственные нужды¹. В то время как Версаль снаружи и изнутри выражал символическое господство «единоначалия» — силы упорядочивающей, облагораживающей, регулирующей: неважно были ли это здания, деревья или люди.

В Московской монархии XVI–XVII вв. формируется сложная придворная культура, которая нашла свое выражение в формализованной системе местничества. Эта система позволяла царю контролировать элиту, а представителям последней оспаривать места в придворной иерархии. Как отмечает Н. Ш. Коллманн, местничество следует рассматривать «как стратегию поддержания традиционной политической стабильности» и «создания лояльной элиты»². Но эта взаимная система господства и контроля покоялась на традиционных патrimonиальных отношениях и постепенно отмирала на протяжении XVII в. — собственно, «безболезненная отмена» местничества в 1682 г. свидетельствовала о том, что «больной был скорее мертв, чем жив». Как показали в своих исследованиях Н. Ш. Коллманн и Ю. М. Эскин, московской элите не было чуждо понятие чести, что и проявлялось в местнических спорах. Но это понятие имело сугубо

¹ См. описание царского дворца в кн.: Забелин И. Е. Домашний быт русских царей в XVI и XVII ст. М., 1895. Ч. I. Гл. I и II. Забелин отмечает, что «в больших хоромах расположение частей не было подчинено никакому особынному, общепринятыму плану: они ставились совершенно произвольно» (там же. С. 31).

² Коллманн Н. Ш. Соединенные честью. Государство и общество в России раннего нового времени. Пер. А. Б. Каменского. М., 2001. С. 270. Коллманн объясняет социальные причины местничества тем, что «в Московском государстве была столь относительно неразвитая городская и сельская экономика, а все естественные ресурсы и земля постоянно провозглашались собственностью государства, статус при дворе значил больше, чем в условиях, при которых аристократы могли зависеть от своих земельных владений, деловых вложений, политической активности на местах или вовлеченностии в иные сферы, связанные с богатством и статусом» (там же. С. 237). В этом отношении двор как в XVII, так и начиная с 30-х гг. XVIII в. был центром распределения статусных позиций и материальных ресурсов.

коллективный, а не индивидуальный характер¹. «Бесчестие» наносился представителю рода, коллектива, то есть конкретный индивид выступал только как носитель родовой чести. Соответственно, поведение «придворных» регулировалось не столько личными амбициями, самосознанием и индивидуальными предпочтениями, а «коллективной памятью» рода и требованиями традиционных практик.

Наконец, Московская монархия, несмотря на громкие заявления иностранных путешественников о беспредельной власти русского государя, вряд ли может характеризоваться как деспотическая или абсолютистская по своему характеру. И в московскую, и в петровскую эпохи «государство» оставалось довольно хрупкой конструкцией, ибо при только лишь начинавшей развиваться бюрократической системе, обширности территорий и слабости коммуникаций власть продолжала опираться на личностные отношения. Поэтому государю, желавшему править, а не царствовать, требовалась сплоченная влиятельная элита с обширной клиентелой². Формы взаимоотношения с этой элитой могли строиться по-разному, но политика государя должна была быть достаточно гибкой, чтобы сохранить социальный порядок и поддержать баланс между «государственными» интересами и запросами правящей элиты³.

Собственно говоря, все традиционные сословные монархии не были культурами «придворного общества», поскольку новая «социальная фигурация» складывается как особое средство господства

¹ Так, Ю. М. Эскин, анализируя слова кн. Ф. С. Куракина адресованные государю (1640 г.), заключает, что «в понимании русского служилого человека XVII века государь имеет полное право сломить отдельную личность, заставить служить “нивисть с кем” или даже “казнить смертью”, но его права по отношению ко всей корпорации все же не так непреложны; он не может заставить признать свои “волевые решения” справедливыми: “не мочно” — таков ответ не столько лица, сколько корпорации». См.: Эскин Ю. М. Очерки истории местничества в России XVI–XVII вв. М., 2009. С. 384.

² См.: Kivelson V. A. Kinship Politics/Autocratic Politics: A Reconsideration of Early-Eighteenth-Century Political Culture // Imperial Russia. New histories for the Empire / ed. by J. Burbank & D. L. Ransel. Bloomington, 1998. P. 5–31.; Zitser E. The Transfigured Kingdom. Sacred Parody and Charismatic Authority at the Court of Peter the Great. Ithaca, 2004. P. 5–7. Коллманн Н. Ш. Указ. соч. С. 268–270.

³ Н. Ш. Коллманн отмечает, что, хотя русская элита стала практически ненужной в военном плане уже во второй половине XVII в., «государство стремилось сохранить ее как привилегированную группу», поскольку «такая политика давала возможность избежать появления в политически важном классе разрушительного для государства социального беспокойства». См.: Коллманн Н. Ш. Указ. соч. С. 325.

только при режимах, претендовавших на абсолютную неограниченную власть. В то же время не при всякой абсолютной монархии возникает «придворное общество»: так, Петр I и Фридрих Великий не нуждались в этом средстве власти, так как обладали, как им казалось, более эффективными инструментами управления. Петр Великий, как и его преемники, рассматривали дворянство в качестве источника для производства чиновников и офицеров — отсюда требование к обязательному образованию, которое являлось основой продвижения по службе. В этом Петр отличался от Людовика XIV, и его замысел дриха II, который не понимал смысла существования двора. Дляapon заявлял, что на месте французского короля переделал бы дворянство «в полк трудолюбивых полезных чиновников» (*en un régiment laborieux de fonctionnaires utiles*). Элиас отмечает, что это было сделать в Германии, так как здесь уже со времен Реформации среди дворянства намечается «тенденция к получению юридического образования и к чиновной карьере», в то время как во Франции дворянство оставалось «нетрудящимся сословием воинов»¹. В России первой половины XVIII в. дворянство отличалось презрением к «подъячим» и вообще к «низкой» чиновной службе, система образования была развита слабо, и государство требовало от простых помещиков прежде всего исполнения воинских и фискальных обязанностей по сбору налогов и рекрутскому набору. Поэтому развитие в России профессиональной бюрократии, как и собственно создание *Polizeistaat*², в отсутствие системы юридического образования и соответствующих специалистов было, мягко говоря, затруднительно. Хотя Петр и регламентировал служебные отношения Государя и дворянства с помощью военно-бюрократической структуры Табели о рангах, он не решил вопроса об отношении монарха и дворянской знати. Наличие европейских придворных чинов в Табели о рангах не привело к формированию европейского двора при Петре. Двор Петра I — это прежде всего хозяйственная организация, обслуживающая царскую семью. Фактически при Петре отсутствовала система двора, а разрушенная им московская придворная культура с ее сложной системой должностей и церемоний не была заменена ничем подобным. В. Н. Татищев замечает, что слово «дворянин» происходит от слова «двор»² (в этом коренное отличие от европейского нобилите-

¹ Цит. по: Элиас Н. Придворное общество. С. 232–233.

• Полицейское государство (нем.). (Прим. ред.)

² «Дворянин, имя сие от двора, власно как бы придворный человек». Татищев В. Н. Избранные произведения / под общей редакцией С. Н. Валка. Л., 1979. С. 255.

та: латинское *nobilis* — благородный, знатный), и первая (в смысле древняя) обязанность дворянина — придворная служба. Двор являлся связующим звеном между монархом и дворянином. При Петре I Герольдмейстерская контора, Герольдия, как ревизионно-учетное учреждение, тип прежнего Разрядного приказа, не могла выполнить функции двора. Между тем двор в монархиях раннего Нового времени играл важную роль в символическом подчинении сословия, упорядочивал отношения Государя и его «благородных» подданных. При Екатерине I существует скорее не двор, а кружок приближенных лиц, допущенных к императрице. При Петре II, когда сам монарх по большей части отсутствует в столицах, проводя время в охотничем кочевье по лесам и полям, система двора также не могла сложиться, хотя именно при Петре II были приняты первые придворные штаты (17.12.1727) и предпринята попытка — благодаря предложению обер-гофмейстера А. И. Остермана — регламентировать придворную жизнь¹. Однако эти нововведения не повлекли за собой значимого политического результата. Двор формально существовал, но не было «придворного общества».

Лишь при Анне Иоанновне эта система начинает функционировать, развиваясь при Елизавете Петровне в более совершенные формы, и окончательно устанавливается только при Екатерине II. Но для возникновения данного явления потребовался определенный кризис, продемонстрировавший слабости социальной политики русского самодержавия.

Правящая элита после петровских реформ и кризис 1730 г.

Петр Великий, «возведя» новые административные институты и установив механизмы регулирования их деятельности, менее всего очертил взаимоотношения между монархом и дворянством. Власть Петра опиралась на личный авторитет, «харакзму» преобразователя, и он не нуждался в помпезном дворе с присущими ему церемониями и ритуалами. Хотя Петр, как подлинный монарх эпохи барокко, часто устраивал празднества и торжественные шествия, прославлявшие его военные и дипломатические триумфы, они имели экстраординарный характер, и никак не были связаны с регулярной жизнью двора. В этом отношении его правление так же носило личностный, а не институциональный характер. У Петра, по-видимому, не было необходимости в дополнительных дорогостоящих атрибутах своей вла-

¹ Волков Н. Е. Двор русских императоров в его прошлом и настоящем. М., 2001. С. 20.

сти. Между тем его наследники, не обладавшие петровской харизмой, пытались апеллировать к своей родственной или духовной связью с «отцом Отечества». Им требовался новый механизм взаимоотношений с элитой, поскольку Табель о рангах регулировала служебную иерархию, но не позволяла контролировать элиту. Нужен был институт интеграции элиты вокруг монарха.

Под правящей элитой мы подразумеваем круг людей, оказывающих воздействие на принятие значимых политических решений. В традиционном обществе правящая элита была определенной обычаем или правом социальной группой, не только сохранявшей влияние на государственные решения, но и передававшей его по наследству. В России XVII–XVIII вв. такой группой являлась верхушка привилегированных слоев населения, связанных с несением военной, гражданской и придворной службы¹. В этом контексте почти идеально вписываются в понятие политической элиты так называемые «думные чины» – в XVII и «генералитет» – в XVIII в. «Почти» – потому что формальная структура политической элиты не всегда соответствовала реальному политическому участию входящих в нее лиц.

Изменение социального порядка в петровскую эпоху привело к определенному «кризису идентичности» членов правящей элиты. Влияние европейской культуры, новые идеи и модели поведения постепенно изменяли как облик, так и представления русского дворянства. Поколение петровской элиты, несмотря на отдельные уцелевшие московские стереотипы, мыслило политику и мораль уже в светском контексте². Хотя не следует переоценивать степень и глубину процессов секуляризации и индивидуализации сознания человека первой половины XVIII в., отрицать их влияние невозможно. Само

¹ Иса贝尔 де Мадарьяга предложила оптимальное, как нам кажется, определение аристократии для России: это «общественная группа, отмеченная происхождением, наследственным или приобретенным состоянием, социальным и политическим статусом, и даже властью, впрочем, весьма хрупкой, а также осознанием собственной принадлежности к элите, участвующей в управлении государством». Madariaga I., de. The Russian Nobility in the Seventeenth and Eighteenth Centuries // The European Nobility in the Seventeenth and Eighteenth Centuries. Vol. 2. Northern, Central and Eastern Europe. N. Y., 1995. P. 273.

² Как отмечает В. Кивельсон, «московская политическая культура продолжала оказывать значительное влияние на поведение, видение и понимание политической жизни дворянства восемнадцатого века, но она скорее облегчала, чем усложняла принятие новых идей и развитие совершенно иной политической культуры имперской эпохи». Kivelson V. A. Kinship Politics/Autocratic Politics. P. 26–27. См. также анализ сочинений Б. И. Куракина и А. А. Матвеева 1720-х гг.: Бушкович П. Указ. соч. С. 442–450.

по себе укоренение в социальной жизни Табели о рангах свидетельствовало о внимании к личностным качествам человека. С другой стороны, социальное признание Табели было связано с объективным желанием упорядочения системы службы, Табель напоминала московскую иерархию чинов и фактически утверждала новое «местничество», правда основанное уже не на службах рода, а на личной выслуге. Теперь место в церемониях, количество лошадей в упряжке кареты и другие привилегии определялись классом служащего. Единственное, что представители родового дворянства не могли принять в Табели – это вопрос о получении дворянства недворянами. Проекты ограничения или даже отмены этого положения, появившиеся на протяжении XVIII в., свидетельствовали об осознании дворянством себя не только в качестве служилых людей, но и как родовой наследственной корпорации.

Что же представляла собой правящая элита и дворянство в первые годы после смерти Петра? Документы, отражающие политические подвижки 1730 г., позволяют нам понять, как представители постпетровского дворянства определяли собственную «Мы-идентичность». Суммируя данные «саморепрезентации» дворянства в проектах и записках 1730 г.¹, можно сказать, что в представлениях участников событий этого года структура благородного сословия (*главнейшего чина*) не совпадала с официальной Табелью о рангах и имела параллельное деление, которое пыталась законодательно закрепить аристократия. Термины, встречающиеся в памятниках эпохи, позволяют выделить три группы в этой неформальной структуре дворянства, во многом дошедшей из московского прошлого. Во-первых, «прожектерами» осознанно выделяется аристократия, «*фамильные*» («сильные», «первые фамилии», «главные персоны», «в великом шляхетстве») – это представители старой московской элиты, сохранившей ключевые посты в управлении государством, с которыми приходилось считаться самодержцу как с группой, а не с отдельными родами. Во-вторых, «*шляхетство*» («добро шляхетство», «шляхетства средняго», «средние») – это средние слои шляхетства, наследники московского и провинциального дворянства, обладавшие собственностью и бывшие костяком сословия, его консолидирующей силой. В третьих, мы видим «*низкое шляхетство*» («низкаго и убогаго шляхетства», «подлое шляхетство», «мелкие», «мелочь», «из шляхетства

¹ Подробный анализ правящей элиты 1730 г. на основании проектов верховников и шляхетства представлен нами в статье: Pol'skoj S. V. L'élite dirigeante russe dans la crise politique de 1730 // Cahiers du Monde russe. 2009. Vol. 50. № 2–3. L'Europe orientale, 1650–1730. Crises, conflits et renouveau. P. 395–407.

малаго») – мелкопоместное и беспоместное дворянство, зависимое как от самодержца, так и от «фамильных» патронов. Эта зависимость делала «низкое шляхетство» игрушкой в борьбе «партий», но ни в коем случае не самостоятельной политической силой. Таким образом, Табель о рангах, устанавливавшая новую систему службы и иерархию отношений, еще не прижилась – внутри сословия продолжала существовать неформальная структура, что демонстрировало политическую, социально-культурную, экономическую неоднородность дворянства.

Династический кризис 1730 г. вскрыл не только социальную неоднородность дворянства, но и обнаружил существенные политические проблемы. «Верховники» имели полностью осознанную аристократическую идентификацию, утверждая, что «старые и знатные фамилии да будут иметь преимущество» над простым шляхетством¹. Причем ограничение монархии фактически поддержали и «прожектёры», добавившие еще и разделения полномочий Верховного тайного совета со всей дворянской элитой. Во главе «верховников» и дворянских «партий» оказались «фамильные», представители старой московской элиты, сохранившей ключевые посты в управлении государством. «Кондиции» были не покушением элиты на права отдельного монарха, а именно на сам институт монархии. Люди XVIII в. воспринимали действия верховников как намерение «устроить республику», т. е. изменить политический строй государства. Это был подлинный политический кризис.

Каким образом монархия вышла из этого кризиса? Почему самодержавие одержало победу, если большинство элиты не сомневались в необходимости ограничения власти монарха? Как известно, «шляхетство», не уверенное в признании Советом его проектов, сделало решительный шаг 25 февраля 1730 г. и потребовало аудиенции у императрицы. Опасаясь власти «верховников» более, чем императрицы (имевшей репутацию зависимой и робкой особы), и не зная об уступках Совета дворянству в проекте «Формы присяги», группа А. М. Черкасского, без участия гвардии, роль которой сильно преувеличена², самостоятельно решила просить императрицу «вос-

¹ РГАДА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 4. Л. 20 об.

² Здесь мы в целом согласны с Г. А. Протасовым, который, проанализировав оба прошения и русские источники (умалчивающие о роли гвардии), пришел к выводу о сознательном решении дворянства 25 февраля просить Анну принять самодержавие, причем гвардия только поддержала это решение, а не была самостоятельной политической силой. См.: Протасов Г. А. Дворянские прошения 1730 года // Источниковедческие работы. Тамбов, 1975. Вып. 4. С. 87–107. В частности, среди 166 подписавших «второе прошение» о

принять» самодержавие, пытаясь в то же время реализовать свои требования как социального, так и политического характера. Дворяне-«республиканцы»¹ фактически выдвигали новые условия – создание Сената, избираемого шляхетством, и установление новой «формы правительства государства» представителями дворянства. Понимание самодержавия элитой было достаточно неоднозначно, если могло предполагать подобные требования. Дело в том, что в 1730 г. восприятие понятия «самодержавие» было иным, чем в XIX в.² Под «самодержавием» скорее подразумевали «суверенную власть» – не случайно И. М. Волынский пишет о том, что шляхетство просило императрицу, «чтобы соизволила принять суверенство, и тако училось в суверенстве», т. е. использует «суверенство» как синоним «самодержавия»³. Политические мыслители того времени полагали, что суверенитет может принадлежать как многочисленному правительству, так и одному лицу⁴. Поэтому Анна возвращает себе «самодержавие» из рук его «похитителей», а не восстанавливает его. В манифесте 28 февраля 1730 г. говорится, что по прошению подданных «мы то самодержавство воспринять соизволили»⁵. Таким образом, становится очевидной логика «второго прошения» шляхетства (25.02.1730 г.), которое ранее вызывало недоумение у историков (как можно просить о восстановлении «абсолютизма» и его ограничении

принятия самодержавия всего 52 человека – гвардейцы, из них 16 офицеров, т. е. всего около трети. 104 человека, подписавшие «второе прошение», были подписантами проекта 361 и других проектов, т. е. «прожектерами», многие из них были гвардейскими офицерами.

¹ «Кружок», или группу клиентов, князя А. М. Черкасского иностранные свидетели называют «республиканцы» или «республиканская партия» (*le parti de la Republique*). Так, аббат Жюбе писал: «...имелась также целая контора приспешников республики в доме князя Черкасского, и партия сия сделалась самой значительной и зело многочисленнее всех прочих» (Jubé J. La Religion, les moeurs, et les usages des Moscovites. Oxford, 1992. P. 141.)

² См.: Madariaga I., de. Autocracy and Sovereignty // Canadian-American Slavic Studies. 1982. 16. P. 369–387

³ РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 219. Л. 161

⁴ См. к примеру: Гоббс Т.: «Различие государств заключается в различии суверена, или лица, являющегося представителем всех и каждого из массы людей. А так как верховная власть может принадлежать или одному человеку, или собранию большого числа людей, а в этом собрании могут иметь право участвовать или каждый, или лишь определенные люди, отличающиеся от остальных, то отсюда ясно, что могут быть лишь три вида государства» и т. д. (Левиафан. Ч. I. Гл. XIX).

⁵ Курукин И. В. Плотников А. Б. 19 января – 25 февраля 1730 года: события, люди, документы. М., 2010. С. 147

властью Сената одновременно?). В действительности «подписанты» просят о возвращении «самодержавия» (т. е. суверенитета) от Верховного тайного совета Анне и дальнейшего проведения реформ под эгидой императрицы: сбора «проектов», с последующим их рассмотрением в учреждаемом Сенате. Поэтому Феофан Прокопович и мог предлагать после 25 февраля созыв «собрания главнейших чинов» для рассмотрения проектов реформ и суда над верховниками. Собственно говоря, современники не подразумевали «восприятие самодержавия» как установление неограниченной власти, и только через полтора года урезание прав Сената в результате создания Кабинета министров свидетельствовало для них об укреплении «абсолютной» власти новой императрицы.

Ситуация в Москве еще долго оставалась неопределенной, ее очень точно характеризовал И. М. Волынский в письме к А. П. Волынскому от 1 марта 1730 г.: «Здесь дела дивные делаются <...> и что от того будет впредь, бог знает¹. Только 4 марта Верховный тайный совет был ликвидирован и создан Сенат, но его персональный состав определила императрица, а не дворянское «баллотирование». Сенат объединял в своем составе верховников и «проектеров», которые боролись за усиление полномочий Сената, но к концу 1730 г. Анна укрепила свои позиции благодаря целому ряду мер, и Сенат фактически утратил свое значение². При этом императрица не могла прямо выступить против правящей аристократической элиты и вряд ли намеревалась это делать, ибо она вынуждена была считаться с «фамильными» и «знатным шляхетством». Опала Долгоруких, начавшаяся в апреле 1730 г., сопровождалась возвышением князей Голицыных и А. М. Черкасского. Предложение новгородского архиепископа Феофана о суде над «верховниками» было отвергнуто, поскольку это могло затронуть интересы всей элиты, соединенной тесными родственными связями. Непопулярность Долгоруковых в «обществе дворянства» была использована сначала для их удаления из Москвы, а потом и ссылки³.

¹ РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 219. Л. 161.

² Н. Н. Петрухинцев подробно рассмотрел этот процесс укрепления самодержавие в 1730–31 гг. См.: Петрухинцев Н. Н. Царствование Анны Иоанновны: формирование внутриполитического курса и судьбы армии и флота 1730–1735 г. СПб., 2001.

³ Мы видим, что в XVII–XVIII вв. самодержавие никогда не решалось вступить в прямой конфликт с аристократией. События 1730 г. – прекрасная тому иллюстрация. Пол Бушкович в своих работах показал, что даже Петр избегал открытого противостояния и в 1698 г., и в 1718 г. В частности, дело царевича Алексея продемонстрировало сочувствие и поддержку сына царя

В сложившейся в 1730 г. ситуации Анна могла ясно видеть, что кроме ее родственников (прежде всего Салтыковых), ее поддержали представители петровской бюрократической элиты, такие как составитель Табели о рангах А. И. Остерман. Но без «фамильных» и их клиентов она не могла спокойно править. Поэтому правительство Анны Иоанновны было в какой-то мере правительством «социального компромисса». Так, три члена созданного в 1731 г. Кабинета министров представляли три элитарные группы: «фамильных» (князь А. М. Черкасский), московское «знатное шляхетство» (граф Г. И. Головкин) и новую бюрократию в лице интегрированного в русскую правящую элиту немецкого «специалиста» (граф А. И. Остерман). Интересно, что периодически выпадавший на протяжении царствования Анны член кабинета – представитель «знатного шляхетства» – почти всегда заменялся таким же представителем московского рода (А. П. Волынский, А. П. Бестужев-Рюмин) и в одном случае «нового шляхетства» (П. И. Ягужинский, который, правда, был зятем покойного Г. И. Головкина).

Очевидно, что и возникновение двора как системы также оказалось связано с преодолением кризиса 1730 г. Среди приближенных императрицы, прежде всего у графа А. И. Остремана, формируется идея создания европейского двора в России – не просто как хозяйственной организации, обслуживающей царскую семью, но и как инструмента контроля дворянской элиты. Государи Европы находили в версальском церемониале «инструмент для выражения своего достоинства, орудие для того, чтобы сделать зрителей общественную иерархию, показать всем прочим, в том числе и самому придворному дворянству, степень зависимости от верховного правителя»¹. Не стала исключением и Анна Иоанновна, использовавшая двор для укрепления собственного авторитета среди дворянской элиты. В 1730 г. выходят инструкции обер-гофмейстеру, обер-гофмаршалу и гофмаршалу, регламентирующие управление русским двором «по примеру

практически всей элитой. Но Петр действует как любой европейский монарх, столкнувшись с оппозицией аристократии: прекрасно зная всех участников, он наказывает немногих, большинство же «сочувствующих» назначает судьями царевича, и они подписывают смертный приговор. П. Бушкович также показывает, как самодержавие в XIX в. создает и внедряет историографический миф о слабости русского общества и отсутствии в нем оппозиции. См.: Bushkovitch P. Power and the Historian: The Case of Tsarevich Alexei 1716–1718 and N. G. Ustrialov 1845–1859 // Proceedings of the American Philosophical Society. 141:2 (June 1997). P. 177–212.

¹ Элиас Н. О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования. Т. 2. Изменение в обществе. Проект теории цивилизации. Пер. с нем. А. М. Руткевича. М.–СПб., 2001. С. 10.

благоучрежденных дворов»¹. В марте 1730 г. Анна «составила свой двор», а в апреле 1731 г. утвердила всем придворным чинам штат и жалование. При дворе устанавливается новый церемониал, ориентированный на западные образцы. Не случайно кн. М. М. Щербатов связывает возникновение двора со временем правления Анны: «...двор, который еще никакого учреждения не имел, был учрежден, умножены стали придворные чины, сребро и золото на всех придворных возблистали... При дворе учинились порядочные и многогодные собрания»². Испанский посол герцог де Лириа, видевший Версаль, писал: «...здесь двор своей роскошью и великолепием превосходит даже самые богатейшие, не исключая и французского»³. Это «великолепие» двора требовало значительного увеличения расходов на его содержание⁴. Но был ли императорский двор только дорогостоящей игрушкой, как часто считают историки, или он выполнял важные функции в управлении империи?

Двор в структуре власти послепетровской эпохи

Для того чтобы понять причины формирования нового двора и его политической культуры в постпетровскую эпоху, необходимо разобраться в сути социально-политических процессов этого времени. Традиционно считалось, что Петр Великий создает «modернизированное» европейское регулярное государство через отрижение традиционного московского опыта, его административных и социальных институтов. Исследования последнего времени позволили пересмотреть однозначность подобных суждений⁵. Инновации в адми-

¹ Инструкция ееимператорскоговеличествагосподинуober-gofmeystеру (1730 г.) // Волков Н. Двор русских императоров в его прошлом и настоящем. М., 2001. С. 52.

² О повреждении нравов в России князя М. Щербатова и Путешествие А. Радищева. Факсимальное издание, вступит. статья и комментарии Н. Я. Эйдельмана. М., 1983. Приложение. С. 98.

³ Записки дюка Лирийского и Бервикского во время пребывания его при императорском Российском дворе в звании посла короля испанского 1727–1730 гг. Пер. с фр. Д. И. Языкова. СПб., 1845. С. 100.

⁴ Если в 1724 г. они составляли около 186 000 руб. в год, то ровно через десять лет, в 1734 г., они возросли до 260 000 руб., не считая 100 000 руб., отпускаемых ежегодно на содержание императорской конюшни. И это не считая дополнительных «экстраординарных» расходов двора. См.: Соловьев С. М. История России с древнейших времен // Сочинения. Кн. X. М., 1993. С. 468.

⁵ Основываясь на широком анализе экономических и социальных составляющих, Бренда Миан-Уотерс показала преемственность состава эли-

нистрировании часто завершались возвращением к уже опробованным устойчивым мерам – менялись вывески, но практики зачастую сохранялись. То же самое мы видим в социальной политике Петра. Как показала Б. Миан-Уотерс, Петр не стремился заменить московскую элиту «новыми» людьми из низов, скорее наоборот, он хотел максимально упрочить положение московскогоnobiliteta, придав ему европейский лоск и внушив необходимость изменяться, для того чтобы править¹. Карикатурный образ заскорузлого боярина, сопротивлявшегося любым изменениям, не более чем миф. В действительности правящие верхи очень быстро интегрируются в европейскую культуру, и самое главное, принимают западную аристократическую модель поведения. Столыпин Петр Андреевич Толстой, племянник царицы Марии Милославской, в 52 года по собственной инициативе, отправляется в Венецию – учиться морскому делу, а вернувшись становится одним из самых активных помощников Петра. Князь Дмитрий Михайлович Голицын, которого иностранные дипломаты часто называли главой «старорусской партии», так же, как Толстой, получил образование в Италии и был владельцем самой большой библиотеки в России, большую часть которой составляли политические и исторические трактаты на французском языке². Он был заказчиком первых переводов на русский язык сочинений Г. Гроция, Дж. Локка, С. Пуфendorфа. Боярин Иван Юрьевич Трубецкой, племянник князя В. В. Голицына, попав в плен при Нарве, прожил 18 лет в Стокгольме и очень быстро адаптировался в среде шведской аристократии³. Его дочь Анастасия Ивановна была воспитана в Стокгольме и по инициа-

ты: «the old Muscovite elite had a firm grip on the top ranks and top positions in eighteenth-century society» (Meehan-Waters B. Autocracy and Aristocracy. The Russian Service Elite of 1730. New Brunswick–New Jersey, 1982. P. 161). По данным Б. Миан-Уотерс, в 1730 г. из 179 представителей «генералитета» 125 принадлежали к княжеским родам, думным чинам или московскому дворянству и были тесно связаны родственными отношениями. Джон Ле Донн полагая, что родовые и семейные связи господствовали и в XVIII в., утверждает, что московские семейные кланы были настоящими правящими семьями («ruling families») и на протяжении длительного времени удерживали важнейшие посты и целые ведомства (Le Donne J. P. Absolutism and Ruling Class. The Formation of the Russian Political Order, 1700–1825. N.Y.–Oxford, 1991. P. 19–21).

¹ Meehan-Waters B. Autocracy and Aristocracy. P. 161–162.

² См. о нем: Madariaga I. de. Portrait of an Eighteenth-Century Russian Statesman: Prince Dmitry Mykhaylovich Golitsyn // The Slavonic and East European Review. 1984. Vol. 62, № 1.

³ О чём свидетельствует как его портрет в шведской военной форме, так и его связь с графиней Шпэрр, от которой у него в 1704 году родился не-

тиве отца получила европейское образование¹. Князь Б. И. Куракин в своих сочинениях «мыслит во вполне европейских категориях, той же печатью отмечен и его язык, пестрящий итальянскими фразами и словами»². Примеры можно продолжать до бесконечности, но общая тенденция налицо: аристократия вполне успешно «вестернизировалась», в то время как сопротивление реформам можно обнаружить разве только со стороны отдельных косных представителей провинциального поместного дворянства, которые, по словам И. Т. Посошкова, хотели «государю служить, а саблю из ножен не вынимать»³. Те, кто имел власть и влияние, быстро мимикрировали, понимая, что от личного участия в нововведениях будет зависеть сохранение их социального статуса. «Упадок аристократии» в России оказался столь мнимым, как и на Западе: в действительности крупные земельные собственники продолжали сохранять влияние и в петровскую эпоху, и в последующие царствования. Как замечает П. Бушкович по поводу Табели о рангах, «в теории это была меритократическая система, но на деле одни и те же роды в той или иной мере сохраняли свое положение почти до конца XVIII века»⁴. Дворянство как кадровый резерв правящей элиты в России XVIII в. не имело никакой социальной альтернативы — это прекрасно сознавал и Петр, и сами аристократы. Так называемая «буржуазия» еще не претендовала на участие в политической власти ни в России, ни на Западе, куда более развитом.

Значение созданных Петром новых административных институтов и регулярной армии в системе управления империи также было не столь однозначно, как считают историки-институционалисты. Новые административные институции стали значимым инструментом управления, но не всегда эффективным и вовсе не единственным. Наряду с ними продолжали действовать старые системы патроната и

законнорожденный сын — знаменитый деятель на ниве просвещения Иван Иванович Бецкой.

¹ Берхгольц, сообщает, что герцог Голштинский «знавший княгиню еще в Швеции, очень занимался ею, и так как она женщина весьма приятная и образованная, то они хорошо проводили время, разговаривая то по-шведски, то по-немецки». Здесь же он замечает: «Вообще, надобно отдать справедливость здешним родителям: они не щадят ничего для образования своих детей. Вот почему и смотришь с удивлением на большие перемены, совершившиеся в России в столь короткое время» (Дневник камер-юнкера Ф. В. Берхгольца Пер. с нем. А. Ф. Амона. Ч. 1. М., 1902. С. 69, 70).

² Бушкович П. Указ. соч. С. 445.

³ О ратном поведении. Донесение боярину Ф. А. Головину (1701 г.) // Сочинения Ивана Посошкова. Изданы проф. М. П. Погодиным. М., 1842. С. 287–288.

⁴ Бушкович П. Указ. соч. С. 437.

клиенты, личностный фактор оставался определяющим и в новой институциализированной, на первый взгляд, системе управления. Когда Е. В. Анисимов пишет о «бюрократизации управления» на примере деятельности кабинет-секретаря А. В. Макарова, утверждая, что она свидетельствует о «резком возрастании значения чиновника, который своей неприметной паутиной смог опутать даже великого царя», он сам приводит аргументы, подтверждающие обратное¹. Макаров как раз не был «профессиональным бюрократом» в том значении, который вкладывает в этот термин Макс Вебер, он не был только точным исполнителем закона, звеном в механизме машины делопроизводства, наоборот, его своеобразная заинтересованность, обширная клиентела и личные связи с сенаторами, покрывавшими его мафии, свидетельствуют о включенности Макарова в систему неформальных связей и о персональном, а не бюрократическом, характере властевования. Если под «бюрократом» понимать только «крючкотвора», то с московских времен ничего не изменилось — морфология доноса на Макарова (1724) может соответствовать любая членитная или подметное письмо предшествующего столетия, где думный дьяк или боярин «имярек» «коварством опутал» царя «имярек».

Профессиональную или рациональную бюрократию, по Максу Веберу, отличает прежде всего специальное образование и безличный характер деятельности, подразумевающей, что должностные функции, права и обязанности принадлежат постам, а не индивидам. Только законы и инструкции являются основой для принятия решения. Для такого типа бюрократии характерна также специализация функций — компетентность в своем узком профиле, отбор и продвижение по иерархической лестнице происходит только на основании квалификации, а не рода, происхождения, связей и т. д.² Русская «бюрократия» XVIII в. не соответствовала практически ни одному параметру Вебера (разве только иерархической системе контроля и подчинения), впрочем, как и европейское чиновничество этого времени. Сам Вебер полагает, что подобный тип бюрократии складывается только в индустриальную эпоху. Даже в XIX в. большинство русских чиновников не только не имели специального образования,

¹ О деле А. В. Макарова см.: Анисимов Е. В. Государственные преобразования и самодержавие Петра Великого в первой четверти XVIII века. СПб., 1997. С. 285–287.

² См: Вебер М. Хозяйство и общество. Пер. с нем. / под науч. ред. И. Л. Игонина. М., 2010. Ч. 1. Гл. 3; Вебер М. Типы господства // Социологическая теория: классические тексты и современные дискуссии. Русско-немецкая хрестоматия / сост. Н. А. Головин. СПб., 2001. См.: http://hq.soc.ru.ru/materials/golovin/reader/weber/r_weber2.html.

но и едва закончили начальную школу¹, не говоря уже о том, что «бездличный характер деятельности» был им совсем не присущ, а вопросы специализации и компетентности, особенно при назначении на руководящие должности, почти не принимались в расчет — русский чиновник того времени, вследствие своего ограниченного образования, был поистине «многофункционален» и мог руководить полком, духовными делами в Синоде, заготовкой провизии, императорскими прачками, а потом стать генерал-прокурором.

Важный фактор функционирования профессиональной бюрократии — это фиксированная заработка плата. Чиновник должен довольствоваться установленной штатами платой, а не «кормиться делами», что свидетельствует о его подчинении организации, а не частным интересам. Как известно, в России до принятия штатов 1763 г. государство на практике поощряло «акциденции», поскольку не могло полностью финансировать административную «махину», созданную Петром Великим². Образ чиновников 1720-х гг., которые девять месяцев не получают жалованья и все распродали так, что «и в коллегию ходить не в чем», предстающий перед нами в донесении Камер-коллегии Сенату, очень мало был похож на «профессионального бюрократа», так же, как не похожи на него и те чиновники Юстиц- и Вотчинной коллегий, которые «без нужды» довольствовались «акциденциями»³. В 1726–1727 гг. правительство идет на меры по сокращению штатов и жалованья, а затем и на ликвидацию ряда учреждений. Так, по указу 16 июля 1726 г. штаты всех коллегий сокращались, причем половина служащих отправлялась для пропитания в свои деревни «с перемененою погодно», в связи с чем ожидалось, что «в даче жалованья напрасного убытку не будет»⁴. Указом от 24 февраля 1727 г. предписывался целый ряд мер по установлению жесткой экономии: сокращались штаты государственных учреждений, армейские полки «для лучшего сбережения Нашей казны» отправлялись на квартиры в «хлебные места», $\frac{2}{3}$ офицеров отпускались в свои имения без жалованья, под предлогом, «чтоб они дерев-

¹ По данным П. А. Зайончковского, в 1840-е гг. около 85 % чиновников имели «низшее» образование или не имели его вообще, и около 3 % имели высшее образование. Среди принятых на службу в 1894–1895 гг. 52 % чиновников имели только начальное образование. См.: Зайончковский П. А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М., 1978. С. 33–34.

² См.: Анисимов Е. В. Указ. соч. С. 229–231, 237–239.

³ Анисимов Е. В. Указ. соч. С. 228, 238.

⁴ ПСЗ. Т. 7. № 4934. С. 680; Сб. РИО. Т. 55. СПб., 1886. № 259 (Доклад Верховного тайного совета 13.07.1726 г.). С. 459.

ни свои осмотреть и в надлежащий порядок привесть могли», треть оставшихся «при полках иноземцев и беспоместных» должны были нести службу, так как «без жалованья прожить не могут»¹. Государство просто неправлялось с содержанием бюрократического аппарата и военной машины, созданных Петром. Правительство, занятое прежде всего поиском средств и выколачиванием недоимок, также не могло полностью контролировать и ситуацию на местах, что ясно видно на примере многочисленных земельных конфликтов, перераставших в настоящие «поместные войны»².

Численность «бюрократического аппарата», как и его профессиональные качества, были весьма скромны для «модернизированного» государства. Динамика роста центральной «бюрократии» в первой половине XVIII в. имела скорее устойчивый, чем интенсивный характер. Так, по подсчетам Н. Ф. Демидовой, число «приказных людей» в московских учреждениях выросло более чем в 3 раза с середины до конца XVII в. (762 человека в 1652 г. и 2762 — в 1698 г.)³. Причем рост шел исключительно за счет увеличения штата подьячих, а не дьяков (количество которых оставалось почти неизменным), то есть росла неквалифицированная, обслуживающая делопроизводство прослойка. По данным Е. В. Анисимова, количество чиновников центральных учреждений в начале XVIII в. — по сравнению с предшествующим столетием — сокращается. Накануне административной реформы Петра, в 1718 г., их общее число составляло 866 человек, а в результате проведенной реформы выросло в 1720 г. до 1818⁴, что примерно равно числу «приказных людей» в год вступления Петра на престол (1816 человек)⁵. Бюрократический аппарат центральных ведомств,

¹ ПСЗ. Т. 7. № 5017. С. 747.

² М. М. Богословский приводит многочисленные примеры столкновений между помещиками с участием дворовых и крестьян. Так, в конфликте Львовых и Сафонова в 1754 г. участвовало 600 человек, в развернувшемся сражении с применением огнестрельного оружия было убито 11 человек и 45 тяжело ранено. Ранее в 1728–1729 гг. между крестьянами с. Воскресенское и с. Никольское Симбирского уезда шла война с применением пушек, сопровождавшаяся казнями противников. Верховный тайный совет образовал специальную розыскную комиссию. И такие случаи были далеко не единичными. См.: Богословский М. М. Быт и нравы русского дворянства первой половины XVIII века. М., 1906. С. 42–43; Бабич М. В. Государственные учреждения XVIII века: комиссии петровского времени. М., 2003. С. 412–413.

³ Демидова Н. Ф. Служилая бюрократия в России XVII в. и ее роль в формировании абсолютизма. М., 1987. С. 23.

⁴ См.: Анисимов Е. В. Государственные преобразования. Приложение № 1 и № 2. С. 293–307.

⁵ См.: Демидова Н. Ф. Указ. соч. С. 23.

достигнув в 1723 г. максимальной численности в 2101 чел., был сокращен к 1726 г. до 1843 человек¹. Согласно данным С. М. Троицкого количество чиновников в центральных органах управления в 1740 г. было примерно таким же², но к 1755 г., по его мнению, здесь уже служил 901 «классный» чиновник и около 3700 канцеляристов, т. е. чуть более 4,6 тыс. человек, если не включать сюда служащих дворцовых ведомств (ок. 900 человек)³. Всего, по мнению Троицкого, в России в середине XVIII в. было 11,5–12,5 тыс. «бюрократов» (во всяком случае, штаты 15 декабря 1763 г. утверждали общее число чиновников в 16,5 тыс. человек). В целом для империи с населением около 20 млн человек это не так уж много⁴.

Для сравнения: во Франции начала XVIII в., при таком же количестве населения, число служащих в центральных учреждениях было еще меньше – не более 1 тыс. чиновников (около 700), в то время как чиновников на местах было около 46 000⁵ (правда, эти чиновники были *officiers*, купившие свою должность у государства). Схожая ситуация в землях австрийских Габсбургов: около 400 чиновников в Вене и 30 000 – на местах; при Марии-Терезии центральный аппарат возрос до 2 тыс. человек.

¹ Анисимов Е. В. Государственные преобразования. С. 220.

² Не полностью сохранившиеся списки 1738–1740 гг., отражающие состав служащих около 60 % центральных органов (Синод, 9 коллегий и 6 канцелярий, без Сената, 2 коллегий и 5 канцелярий), дают цифру в 1195 человек. См.: Троицкий С. М. Русский абсолютизм и дворянство в XVIII веке. Формирование бюрократии. М., 1974. С. 177.

³ Число «канцеляристов» выведено С. М. Троицким не на основании документов, а на основе экстраполяции имевшегося среднего соотношения 1,3,5 «классных» чиновников и канцеляристов в коллегиях в списках 1740 г. Хотя у подобного метода есть свой недочет, связанный с неполнотой сведений и с тем, что в действительности соотношение учтенных чиновников было абсолютно разновеликим: так, в Синоде – 1:2, а в Вотчинной конторе – 1:8,5. Поэтому, если известные нам около 60 % служащих составляли 1195 человек, остальные 40 % учреждений должны вместить в себя насчитанные Троицким 3405 чел. (4600–1195), что противоречит здравому смыслу. Скорее всего число чиновников центральных учреждений в середине века было около 2 тыс. – или же максимум 2,5 тыс. человек.

⁴ По данным третьей ревизии (1762) – около 23 млн человек, Щербатов в 1776 г. полагает, что в империи проживает ок. 22 млн человек. См.: Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). Т. 1. СПб., 2000. С. 20; Щербатов М. М. Статистика в разсуждении России // ЧОИДР. 1859. Кн. 3. Ч. 2. С. 51.

⁵ Zmora H. Monarchy, aristocracy, and the state in Europe 1300–1800. London, 2001. P. 86.

И. Дейндам обратил внимание, что при этом количество «служителей двора» в обеих странах превышало центральный аппарат: около 5000 в Версале и около 2000 в Вене¹. Данные С. М. Троицкого подтверждают подобное значение дворцового ведомства и в России: в 1755 г. здесь служило 210 «классных» чиновников, в то время как в Сенате их было 47 и во всех коллегиях 435 человек². Общий штат двора в 1756 г. составлял 1390 человек³. Еще более красноречивыми являются финансовые показатели: если на содержание всех центральных государственных учреждений в 1734 г. тратилось 249 983 рубля, то на двор уходило 650 тыс. рублей, в правление Елизаветы эта сумма перевалила за 1 млн рублей, и если новые штаты 1763 г. предполагали, что вся бюрократическая машина империи встанет ей в 1 203 329 рублей, то двор поглотил в 1762 г. 2265 тыс. рублей⁴. Проще говоря, на всем протяжении XVIII в. расходы двора в два раза превышали расходы на весь административный аппарат империи.

Все это свидетельствует не в пользу концепции российского «абсолютизма», будто бы утверждающегося за счет бюрократии и армии. В действительности модели управления страной в XVIII в. были куда более сложными и неоднозначными, они имели переходный характер, причем традиционный властный механизм явно превалировал над только зарождающейся рационально-бюрократической системой. В этой системе важнейшую роль играл императорский двор и «придворное общество»⁵. Почему двор – после фактического отсутствия

¹ Duindam J. Rival Courts in Dynastic Europe: Vienna and Versailles 1550–1790 // The Court Historian – The International Journal of Court Studies. December 2002. Vol. 7. № 2. P. 80.

² Троицкий С. М. Русский абсолютизм и дворянство. Табл. 1 на с. 171–173.

³ Если прибавить сюда штат Конюшенной канцелярии (1420 человек), то русское дворцовое ведомство середины века оказывается больше венского, и почти равным числу служащих центральных государственных учреждений. См.: Агеева О. Г. Преобразование русского двора. С. 21, 23.

⁴ Троицкий С. М. Финансовая политика русского абсолютизма в XVIII веке. М., 1966. С. 234, 237, 239. Императрица Елизавета в 1743 г. весьма точно расставила «государственные приоритеты», приказав в первую очередь удовлетворять расходы двора, затем первых трех коллегий и только потом остальных ведомств (там же. С. 239).

⁵ Как утверждает Саймон Диксон: «Двор все еще продолжал находиться в самом сердце российской системы управления <...> он как магнит притягивал тех, кто стремился оказывать влияние на нее, поэтому двор становился формулой русской политической жизни и источником императорского кровопролитства, а для правителей, которые считали себя наделенными исключи-

в петровскую эпоху — с 1730-х гг. приобретает важнейшее значение в системе управления, и почему он становится центром этой системы? Было ли это возвращение к модели московского Государева двора как центра «сортировки кадров», но на новом европеизированном уровне, или это было явление нового порядка?

Для того чтобы ответить на эти вопросы, необходимо выяснить актуальные функции царского двора в России. Они были напрямую обусловлены двумя важнейшими прерогативами монарха: во-первых, это роль представительная, связанная с репрезентацией государства во внешней и внутренней политике, во-вторых, функция распределения властных полномочий среди элиты и связанная с ней роль арбитра в отношениях внутри нее. В своем недавнем исследовании М. М. Кром показал, что в начале царствования Ивана IV именно эти прерогативы не мог полноценно осуществлять малолетний монарх, и элита не имела возможности сама воспроизводить их, в то время как все остальные функции управления она успешно реализовывала самостоятельно¹. В России XVIII в. монарх действовал прежде всего в тех же сферах, поэтому двор был «театром власти», где государь и перии для иностранных дипломатов и подданных, а затем двор выступал как центр сортировки, отбора и апробации правящей элиты. Сюда стремились амбициозные дворяне — для назначения на ответственные управлеческие посты и получения наград и милостей. С другой стороны, двор был ареной противоборства придворных «партий» и родовых кланов за власть и влияние на монарха. В послепетровскую эпоху двор также становится центром принятия решений как во внешней, так и во внутренней политике. Свидетельство тому — «административная география»: все важнейшие органы управления империей заседают в середине XVIII в. в Зимнем дворце, недалеко от покоя императрицы Анны (Кабинет министров, следственные комиссии), а потом императрицы Елизаветы (Кабинет, «Конференция министров», Секретная экспедиция Коллегии иностранных дел, а с 1756 г. — Конференция при Высочайшем дворе)². Наконец, Кабинетальным правом принимать решения, двор был горнилом в котором формировались их персональная власть». Dixon S. The Modernisation of Russia 1676-1825. Cambridge, 1999. P. 118.

¹ Кром М. М. «Вдовствующее царство»: Политический кризис в России 30-40-х годов XVI века. М., 2010. С. 412.

² Так при отъезде двора из Москвы в 1744 г. Елизавета напоминает канцлеру А. П. Бестужеву-Рюмину, что «по прибытии в Санкт-Петербург, Коллегии Иностранных Дел секретной экспедиции быть в Зимнем дворце, в тех покоях, где прежний Кабинет был» (Архив кн. Воронцова. Кн. 6. М., 1873. С. 175.)

нет — личная канцелярия государя и центр управления придворным ведомством — становится важнейшим посредником между монархом и другими административными учреждениями империи уже при Петре I. От главы Кабинета зависит принятие бумаг на рассмотрения монарха — А. В. Макаров, И. А. Черкасов и А. В. Олсуфьев становятся влиятельнейшими людьми государства, их расположения добиваются главы ведомств и иностранные послы¹. Они, как «вестники богов», передают «изустные повеления» государей Сенату и другим ведомствам. Двор в послепетровскую эпоху снова стал центром власти, при этом значение человека в структуре управления, определялись его положением при дворе и отношением ко двору². В этом смысле в русской «бюрократической» системе XVIII в. власть зависела от личности, а не от формальной должности.

Все вышеизложенное скорее свидетельствовало бы в пользу функциональной реанимации «государева двора» под новыми вывесками, с новым этикетом и иерархией, если бы не изменившиеся реалии, как институционального, так и социального характера. Во-первых, двор был «вписан» в новую систему петровских институтов и административных отношений. Во-вторых, и нам представляется это более важным, изменились социальные параметры.

«Общество» этого двора было совершенно иным: люди, которые составляли двор Анны Иоанновны или Елизаветы, имели новые ценности и свою особую «рациональность». В чем существенная разница? Московский родовой корпоративный дух сменился осознанием

¹ Прусский посол так описывает функции кабинет-секретаря И. А. Черкасова: «представляет он Е. И. В. все указы, декларации и письма, кои подписать надлежит, включая те, что иностранных дел касаются». См.: Марденфельд А., фон. Записка о важнейших персонах при дворе русском (1747) // Лиштенан Ф. Д. Россия входит в Европу. Императрица Елизавета Петровна и война за Австрийское наследство 1740–1750. Пер. В. А. Мильчиной. М., 2000. С. 279.

² Фактически проект создания Императорского совета и реформы Сената Н. И. Панина (1762) был вызван желанием освободить административную систему от бесконтрольного влияния двора. Пафос его доклада прямо направлен против политических «закулисных» решений при дворе. Он писал, что в «эпох царствования императрицы Елизаветы Петровны» «каждый по произволу и по кредиту дворских интриг хватал и присвоивал себе государственные дела» (впрочем, перед смертью, в 1783 г. Панин констатировал, что с того времени ничего не изменилось). Кабинет императрицы он рассматривает как «безгласное и в основании своем несвойственное правительству государственному место» и требует, чтобы правительство было гласным, т. е. «подверженным суду и ответу пред публикою». См.: Сб. РИО Т. 7. М., 1871. С. 204, 205, 206.

собственной индивидуальности со всеми вытекающими отсюда последствиями. Если для Петра I, впрочем, как и для Анны Иоанновны, полна представителя рода падала на весь род, то уже для Елизаветы, Петровны и нового поколения дворянства это было не так – только индивид должен был нести ответственность за свои поступки¹. Старший брат елизаветинского канцлера, обер-гофмаршал елизаветинского двора Михаил Петрович Бестужев-Рюмин точно выразил мысль, ставшую очевидной для постпетровского человека: «...как муж за жену, так и жена за мужа, яко и отец за сына, и сын за отца ответствовать и терпеть не должны»².

Процесс индивидуализации и адаптация европейских ценностей привели к тому, что элита дворянства стала носителем новой, светской культуры. Потомки боярских родов, чьи деды с настороженностью смотрели на театр и музыку, вряд ли могли представить, что их внуки будут музенировать и участвовать в придворных спектаклях³. Черты новой, рафинированной культуры проступали через зарождающуюся светскость, появление которой уже свидетельствовало об отказе от традиционных моделей поведения. Наконец, при дворе сама элита значительно трансформируется, «общество двора» унифицирует его членов: «фамильные», как монополисты системы патрона, исчезают к концу века, интегрируясь с семействами фаворитов и «знатного шляхетства». Теперь «правящая элита» обладает куда более гибким «менталитетом» и конформистской системой ценностей. Эта динамика ценностных ориентаций была столь очевидна, что

¹ Вместе с В. В. Голицыным в ссылку была отправлена вся его семья, опале подверглись его родственники, то же самое произошло с семейством Долгоруких при Анне. Елизавета, сослав в 1742 г. Остермана и Миниха, оставила детей первого в гвардии, а брат второго Х. В. Миних стал главой ее двора – обер-гофмейстером. После раскрытия заговора 1743 г. муж А. Г. Бестужевой сохранил звание обер-гофмараща и был назначен послом в Берлин, а ее dochь А. П. Ягужинская осталась фрейлиной императрицы.

² М. П. Бестужев – М. И. Воронцову (30.07.1743 г.) // Архив кн. Воронцова. Кн. 2. М., 1871. С. 220.

³ Яков Штелин сообщает, что с 1730-х гг. «многие молодые люди и девушки знатных фамилий обучались не только игре на клавикорде и других инструментах, но и итальянскому пению, добившись в короткое время больших успехов... Князь Петр Иванович Репнин играл на флейте и, обладая необыкновенно приятным тоном, чистой интонацией и беглостью, выступал в исполнении труднейших соло и концертов. Три брата князья Трубецкие исполняли прелестные трио на скрипке, клавесине и виолончели, а дом Строгановых в Москве – весь звучал музыкой». См.: Штелин Я. Известия о музыке в России. Пер. Б. И. Загурского // Штелин Я. Музыка и балет в России XVIII века. Л., 1935. С. 84.

кн. М. М. Щербатов рассматривал ее как «повреждение нравов». В этих изменениях двор был и индикатором, и ускорителем новых для русского общества тенденций.

Система двора и «придворный человек»

Что представлял из себя двор во второй четверти XVIII в.? Кто входил в состав двора, и кто мог быть отнесен к «обществу двора»? Как мы уже выяснили, понятие «двор» включало в себя не только институцию, обслуживающую царскую семью. В самом широком смысле двор – это и есть правящая элита империи, символически объединенная вокруг монарха¹. Фразеология дипломатической переписки указывает на подобное понимание: дипломаты постоянно говорят об «интересах венского двора», об ущербе «версальскому двору», о договорах с «русским двором». При этом они подразумевают то, что мы назвали бы сейчас внешней политикой: двор с его фракциями и «партиями» позволял дипломатам оказывать влияние на принятие внешнеполитических решений, поэтому они и были аккредитованы «ко двору». Дипломаты были составной частью «общества двора», принимали участие во всех важнейших церемониях, вступая зачастую в иерархические конфликты, и нередко провоцируя «межпартийную» борьбу среди придворных.

Собственно «регулярный» состав русского двора включал штатные придворные чины, а также всех представителей первых 5 классов Табели о рангах. Именно эти люди составляли «общество двора»: они должны были присутствовать на празднествах, участвовать в торжественных церемониях и по первому зову являться во дворец. Камер-фурьерские журналы всегда упоминают присутствие «господ первых пяти классов» на всех публичных церемониях, а повестки требуют явиться ко двору «первых пяти классов обоего пола персонам и дочерям их девицам». «Список первых пяти классов придворных чинов, обретающихся в Санктпетербурге», составленный герольдмейстером В. Е. Адодуровым в 1755 г., дает нам представление о том, кто входил в состав постоянных членов «придворного общества» елизаветин-

¹ О сложности определения двора пишет С. Диксон: «Неоднозначность слова “двор” делает его трудным для определения. Необходимо различать двор как институт, двор как сообщество придворных и двор как место пребывания, однако разводя каждое из этих значений мы теряем особый смысл целого» (Dixon S. The Modernisation of Russia. P. 118). Как отмечает Й. Дейнелам «современники описывая двор говорят по крайней мере о трех его изменениях: дворец, правитель с его вельможами, и правитель со своим советом» (Royal courts in dynastic states and empires. P. 404).

ской эпохи¹. Само название списка характерно — под «придворными чинами» подразумеваются все военные и гражданские служащие первых пяти классов от канцлера до статского советника. Сюда входит 251 человек, из них кавалеров — 125, 104 дамы и 22 девицы². Эту же цифру в целом подтверждает камер-фурьерский журнал за 1755 г. — так, во время празднования дня коронации 25 апреля был накрыт стол на 180 куввертов, а в день рождения императрицы 18 декабря при дворе находились 160 персон первых 4-х классов³. Шведский путешественник К. Р. Берк, побывавший в Петербурге при Анне Иоанновне, сообщает, что при дворе была обязана присутствовать вся служебная элита столицы — «персоны в генеральском ранге», т. е. лица первых 4 классов Табели о рангах. Он также уточняет, когда они должны являться ко двору: «...придворных дней два в неделю — воскресенье и четверг, когда иностранные министры, персоны в генеральском ранге и собственно придворные делают визиты». Но штатные придворные должны были находиться во дворце каждый день «в предполуденное время, после выхода императрицы с утренней молитвы и до того, как она примется за дела»⁴. Тот же распорядок сохраняется в елизаветинскую эпоху, правда, днем куртага осталось только воскресенье, но по вестки на экстраординарные торжества прибывают к «придворным чинам» куда чаще, кроме того их круг расширяется до 5 класса, и все

¹ Архив кн. Воронцова М., 1873. Кн. 6. С. 317–326. Данный список не датирован, но время его составление можно определить по составу указанных в нем персон. Стоящая в начале списка принцесса А. И. Гессен-Гомбургская умерла 27 ноября 1755 г., в то время как кн. Н. Г. Белосельская названа вдовой генерал-кригс-комиссара М. А. Белосельского-Белозерского, который умер 19 января 1755 г., соответственно, список был составлен в середине 1755 г.

² Дамы имеют ранг своего мужа, о чем свидетельствует то, что вдовы указаны на «местах» мужей. Так, княгиня Белосельская входит в раздел «вице-адмиралы», т. е. относится к 3-му классу. Вдова и дочь генерал-фельдмаршалов «светлейшая княгиня Настасья Ивановна Гессенгомбургская» (урожденная Трубецкая) — первая дама двора, она стоит выше главной придворной дамы — обер-гофмейстерины Т. Б. Голицыной (вдовы фельдмаршала М. М. Голицына) и гофмейстерины А. И. Бестужевой (жены канцлера). «Девицам» посвящена специальная справка Адодурова: «девицы, которых отцы в 1-м ранге, пока они замуж не выданы, ранг имеют над всеми женами, которые в 5-м ранге обретаются», то же соотношение действует и далее: дочери отцов второго ранга выше жен шестого ранга (АКВ. Т. 6 С. 319).

³ Журналы камер-фурьерские, 1755 года. Церемониальный, банкетный и походный журнал. Б. м., б. г. С. 48, 117.

⁴ Берк К. Р. Путевые заметки о России (1735–1736) // Беспятых Ю. Н. Петербург Анны Иоанновны в иностранных описаниях. СПб., 1997. С. 155–156.

они должны, под угрозой штрафа, присутствовать на спектаклях каждый вторник и четверг¹.

«Общество двора», таким образом, составляют самые влиятельные чиновники и военные империи, а также их семьи, находящиеся в ближнем или дальнем родстве. Они зачастую ссорятся и соперничают друг с другом, оспаривая влияние, но при этом они становятся той силой, с которой приходится считаться монарху, особенно в эпоху «дворских бурь», когда в условиях нестабильности или из-за угрозы переворота поддержка со стороны «общества двора» требовалась и претендентам на престол, и самим монархам². Когда Екатерина II в своих записках, говорит об «обществе» (*le public*), она всегда подразумевает исключительно «общество двора», составлявшее около 200 человек, имевших свободный доступ во дворец³. Они формируют то, что можно назвать «общественным мнением», влияющее на политические представления членов элиты, а, следовательно, и на их поведение. Это мнение нельзя было не учитывать монарху. Так, Екатерина пишет, что супруг своим поведением влек ее к гибели, и поэтому она решает отстраниться от него, соблюдая «в обществе мои интересы так, чтобы оно видело во мне, при случае, спасительницу государства»⁴.

¹ Всеволодский-Гернгресс В. Н. Театр в России при императрице Елизавете Петровне / сост. подгот. текста, послесловие В. А. Харlamовой. СПб., 2003. С. 135.

² Свидетельства постоянной угрозы заговора или переворота многочисленны. Так в начале 1749 г., когда императрица Елизавета опасно занемогла во время своего пребывания в Москве, иностранные дипломаты сообщали о заговоре высокопоставленных придворных, целью которых было «арестовать великого князя и его супругу» в момент смерти императрицы и провозгласить императором Иоанна Антоновича. Екатерина утверждает, что подобный план исходил от самого канцлера Бестужева и генерала Апраксина, и опасность была столь велика, что великая княгиня уже высматривала, из какого окна, если их возьмут под домашний арест, они могут выпрыгнуть с великим князем, а также рассчитывала, на какие полки они смогут опереться. См.: Лиштенан Ф. Д. Россия входит в Европу. Императрица Елизавета Петровна и война за Австрийское наследство 1740–1750. М., 2000. С. 197–198; Записки императрицы Екатерины Второй. СПб., 1907. С. 145–146.

³ Например, когда Екатерина пишет об опале Бестужева, она замечает: «Общество вообще, за исключением Михаила Воронцова и Ивана Шувалова и двух послов <...> все во всем Петербурге от мала до велика были убеждены, что граф Бестужев невинен». См.: Записки императрицы Екатерины Второй. С. 435.

⁴ Записки императрицы Екатерины Второй. С. 423. В оригинале эта фраза звучит несколько иначе: «de ménager d'un autre côté dans le public mes intérêts de telle façon, que celui-ci vit en moi le saveur de la chose publique dans

Анна и Елизавета, собирая вокруг себя это «общество двора», необходимое им для управления империи и в то же время для контроля над элитой, осознают опасности, исходящие из этого социального круга. Взаимозависимость монарха и элиты вела к тому, что монарх так же рационализировал свою жизнь, как и жизнь придворных, следуя ограничениям и условностям. Анна Иоанновна, ставшая зачинателем новой системы двора в России, подчиняет все церемониальному ритму. Как пишет камергер Эрнст Миних, «единообразный род жизни» императрицы «расположен был весьма умеренно и пропорционально, и она «в публичных церемониях умела показать себя с превеличайшою важностью и приличием»¹. Такое поведение императрицы было во многом связано с ее личным опытом: зависимое положение курляндской герцогини принуждало ее изучать людей и уметь с ними обходиться. Анна возвышает людей, обязанных ей своим положением при дворе, разделяет доверие и почести между курляндскими приближенными и так называемой «русской партией», поощряя соперничество придворных. В ее царствование фаворитизм из обычного при дворах монархов явления превращается в особый институт, дублирующий административные учреждения и контролирующий деятельность их глав². Она осознанно принижает значение «фамильных», назначив своими шутами представителей родовитых московских семейств Голицыных, Волконских, Апраксиных. Символический смысл этого жеста императрицы весьма точно понял М. М. Щербатов: «...се высший знак деспотичества, что благороднейших родов люди в толь подлую должность были определены»³. Само присутствие шутов при дворе не было явлением чисто русским, так как «в тогдашнее время везде мода была на дураков и у всех почти дворов их держали», однако не везде в «дураках» держали аристократов. Этот «обычай миновался» только при Елизавете Петровне, ибо императрица, по словам Н. И. Панина, «терпеть не могла, чтобы у кого в доме такой шут был»⁴.

Елизавета Петровна продолжает развивать систему двора, и в годы ее правления процесс придворной рационализации становится

Госсажон». *Мémoires* // Сочинения императрицы Екатерины Второй на основании подлинных рукописей и с объяснительными примечаниями академика А. Н. Пыпина Т. 12. СПб., 1907. С. 399.

¹ Миних Э. Записки // Безвременье и временщики: воспоминания об эпохе дворцовых переворотов (1720-е – 1760-е годы). М., 1996. С. 160.

² См.: Курукин И. В. Бирон. М., 2006. С. 97–143.

³ Щербатов М. М. О повреждении нравов. Приложение. С. 98.

⁴ Порошин С. А. Записки, служащие к истории великого князя Павла Петровича // Русский Гамлет. С. А. Порошин. А. Б. Куракин. Вел. Кн. Павел Петрович. М., 2004. С. 111.

еще более очевидным. Сама императрица, находясь в предшествующие царствования в гуще дворцовых интриг, сформировалась как истинный «придворный человек». Познакомившись ближе с цесаревной Елизаветой в середине 1730-х гг., проницательная леди Рондо отмечала: «В обществе она выказывает непрятворную веселость весь ум ее; но в частной жизни она говорит так умно и рассуждает так основательно, что все прочее в ее поведении, без сомнения, не что иное, как притворство. Она, кажется искренней, я говорю – кажется, потому что никто не может читать в ее сердце»¹. Умение императрицы «играть свою роль» и притворяться отмечают все дипломаты того времени². Наконец, Елизавета владела важнейшим ключом к «придворному обществу»: она «делит доверие», или, как писал Финкенштейн, «дух партий, каковой почитают обычно болезнью правлений республиканских, при дворе русском являет себя в самом лоне деспотизма, и Императрица, коя залог собственной безопасности видит в разъединенности своих министров, сама старается ее поддерживать и разжигать»³. Она активно использует символические поощрения: приглашение в Царское село стало для елизаветинского придворного таким же знаком монаршего благоволения, как приглашение в Марли при дворе Людовика XIV⁴. Но в последние годы своего правления Елизавета все чаще ощущает бремя церемониала и пытается укрыться от исполнения обязанностей по представительству. Екатерина II вспоминает, что с осени 1757 г., так как императрица появлялась редко, «выезжали на мне со всеми куртками, придворными праздниками

¹ Рондо Дж. Письма леди Рондо, жены английского резидента при русском дворе в царствование имп. Анны Иоанновны / под ред. С. Н. Шубинского. СПб., 1874. С. 76.

² Ж. Л. Фавье писал, что «императрица Елизавета вполне владеет искусством притворяться. Тайные изгибы ее сердца часто остаются недоступными даже для самых старых и опытных придворных, с которыми она никогда не бывает так милостива, как в минуту, когда решает их опалу. Она ни под каким видом не позволяет управлять собой одному какому-либо лицу, министру или фавориту, но всегда показывает, будто делит между ними свои милости и свое минимое доверие». ([Фавье Ж. Л.] Русский двор в 1761 году // Русская старина. Октябрь 1878.. Т. 23. С. 189.)

³ Финк фон Финкенштейн К. В. Общий отчет о русском дворе // Лиштенан Ф. Д. Россия входит в Европу. Императрица Елизавета Петровна и война за Австрийское наследство 1740–1750. Пер. В. А. Мильчиной. М., 2000. С. 291.

⁴ Екатерина пишет, что императрица приглашала туда «придворных кавалеров и множество дам, из числа тех, к кому всего благосклоннее относились». Записки императрицы Екатерины Второй. С. 549.

ми и балами»¹, но для нее несение представительских обязанностей в придворных церемониях стало определенной школой в «искусстве царствовать».

Если Анна и Елизавета подчинились ограничениям придворной жизни, то их наследники выказывали явное пренебрежение к ним. На примере Анны Леопольдовны и Петра Федоровича становится очевидной взаимозависимость монарха и «придворного общества». Они не хотели и не смогли следовать тем ограничениям, которые диктовались самим существованием при дворе. Так, Эрнст Миних писал об *необходимое при дворе притворство и принуждение*, «она всегда с неудовольствием наряжалась, когда во время ее регентства надлежало ей принимать и являться в публике»². Бюшинг отмечал, что Петр III, «к сожалению, мыслил слишком громко», а его *«речи и взоры <...> были зеркалом его сердца*. К тому же, он не любил церемониала»³. Ему вторят Финckenштейн (*«ни учтивости, ни обходительности, важной персоне столь потребных, не имеют»*) и Фавье (*«он курит табак, пьет пиво и водку, что вовсе не совпадает с изящными и утонченными приемами двора»*)⁴. Печальная судьба этих правителей была обусловлена в какой-то мере их неспособностью правильно использовать те стратегии и механизмы, которые лежали в основе «придворного общества». Скрытность, наблюдение за людьми, контроль своих желаний, умение подчинять себя «должному» — все эти стратегии монарха, царствующего в окружении «общества двора», становились также качествами «придворного человека».

Анализируя ценностные установки, господствующие при дворе, Элиас выделил три важнейшие черты «придворного человека», отличающие его от остального дворянства: во-первых, это *искусство наблюдать за людьми*, основанное на самоанализе и самодисциплине; во-вторых, *искусство общения с людьми*, базирующееся на наблюдении, умение скрывать свои помыслы и слушать собеседника; в-третьих, это *придворная рациональность*, которая проявляется в обуздании аффектов ради жизненно важных целей, поскольку демонстрация аффекта есть знак поражения, а этого боится каждый придворный⁵. В аннинское и елизаветинское царствования все эти качества начи-

нают формироваться и у русских придворных, о чем свидетельствует развитие мемуаристики в середине XVIII в. Если до этого времени мы встречаем скорее погодные записи, лишенные подробностей, то теперь мемуарист все чаще демонстрирует искусство наблюдения и самонаблюдения, элементы психологического анализа. Блестящей иллюстрацией подобного процесса являются воспоминания Якова Петровича Шаховского (1705–1777), тонкого наблюдателя жизни двора, которого можно назвать «русским Сен-Симоном» (правда, он был более удачливым в своей карьере). Шаховской, как истинный придворный, с гордостью признается, что стремился «в моих разговорах соблюдать благопристойность к моим лучшим выигрышам»¹. Наблюдая людей, он понимает, что придворные могут являть «разные маски»², поэтому замечает, что внешне благожелательный Иван Иванович Шувалов «более видов ласковости, а менее приближения к искренней откровенности мне оказывал», а его открытый противник граф Петр Иванович Шувалов «при всей надменности величавого своего духа являлся ко мне ласковым, дабы я меньше его противу себя понимал»³. Шаховский демонстрирует наблюдательность в своем описании бесед с П. И. Шуваловым, он следит за его мимикой, владеет собственными аффектами: «...я возмог свой жаркий и также в горделивости неуступчивый дух к лучшему обуздывать, так что я на все <...> его с разными переменами видов и движений речи в сопротивление и в остановку ничего, кроме по пристойности учтивых видов не оказал»⁴. Здесь звучит скрытый комплимент самому себе — ведь истинный придворный должен сдерживать свои аффекты, и, стремясь к самообладанию, уметь более слушать и наблюдать, чем говорить⁵. Элиас очень тонко подметил разницу в поведении бур-

¹ Шаховской Я. П. Записки // Империя после Петра. 1725–1765. М., 1998. С. 144–145.

² Там же. С. 158.

³ Там же. С. 127, 128.

⁴ Там же. С. 123.

⁵ Показателен эпизод из мемуаров Шаховского, который демонстрирует особенности межличностных отношений при дворе. В бытность Шаховского в Москве против него была направлена интрига П. И. Шувалова с целью его смещения с должности генерал-кригс-комиссара, но Шаховской сумел оправдаться в глазах императрицы Елизаветы. По приезде в Петербург он видит во дворце П. И. Шувалова, и вот виновник его злоключений встречает его «с ласковыми приветствиями и выразительными о том бывшем со мною приключениями сожалениями». Отвечая на эти речи, Шаховской туманно высказался о тех, кто завидует «справедливо и верно отечеству служащим» и «оскорблять и обескураживать их устремляется»; Шувалов же «острый и проницательный ум имея, почувствовал, что я из таковых и его не исключаю».

¹ Записки императрицы Екатерины Второй. С. 422.

² Миних Э. Записки. С. 177–78.

³ Бюшинг П.-Ф. Автобиография, излож., отрывки А. Г. Брикнера // Исторический вестник. 1886. Т. 25. № 7. С. 13.

⁴ Финк фон Финckenштейн К. В. Общий отчет о русском дворе. С. 294; [Ж. Л. Фавье] Русский двор в 1761 году. С. 197.

⁵ Элиас Н. Придворное общество. С. 130, 134, 138.

жу и придворного: по его словам, для придворного «как» в оценке поведения важнее, чем «что». В отличие от буржуа, который может сказать в беседе «какой я молодец» и вообще всячески подчеркивать свои достоинства, придворный слушает и оценивает другого, не случайно максима Бальтасара Грасиана из книги, известной в России под названием «Придворный человек», гласит: «Никогда не говори о самом себе».

Это молчание вполне объяснимо. Двор являлся социальным организмом, где все придворные «отданы во власть друг друга», поэтому «одно единственное необдуманное высказывание может иметь долгосрочное действие». Предусмотрительность — важнейшая доминанта в поведении придворного, он должен постоянно контролировать собственное лицо, жесты, слова. Любая ошибка запоминается и используется врагами. Поэтому истинный придворный, по словам Лабрюйера, «хозяин своих жестов, глаз и лица», «он улыбается врагам, принуждая свой нрав, скрывает свои страсти, противореча собственному сердцу, действуя вопреки своим чувствам»¹. Всякий, кто этого не понимает, ведет себя к гибели в глазах «хорошего общества», и это прекрасно сознает Екатерина II, посвятившая свои мемуары истории двух разных «характеров-судеб»². Необходимость при дво-

Здесь замечательно умение Шаховского оценить ум и достоинства своего врага, главного антигероя мемуаров. Проявление «придворной рациональности» очевидно с обеих сторон: Шаховской не бросает прямо обвинения в лицо Шувалову и не требует объяснений. Но интересна и реакция Шувалова: он не игнорирует противника, не вступает с ним в перебранку, а наоборот, заверяет Шаховского в своем сочувствии. Шаховский в ответ, как истинный придворный, уверяет Шувалова «что сие мне осудительно б было, когда б я такого разумного [человека] <...> бесчестным поступком поклепал». Т. е. он отказывается обвинять Шувалова, зная при этом наверняка, что он его «злодей». Шаховской завершает свое описание беседы с Шуваловым ироничным замечанием: «...и тако моральные и критические наши разговоры окончились» (Шаховской Я. П. Записки. С. 94–95.). В XVII в. такая встреча между враждующими членами Государева двора на Постельном крыльце в Кремле вполне могла закончиться руганью, когда один другого «лягал матерны и всякой непотребною лаю», а то и побоями, с использованием подвернувшихся под руку предметов (См. многочисленные примеры дел о нарушении чести Государева двора в книге Забелин И. Е. Домашний быт русских царей в XVI–XVII столетиях. Кн. 1. Государев двор, или дворец. М., 1990. С. 261–304).

¹ La Bruyere J. de. Caractères VIII. De la cour. 2.

² Последние редакции своих «Записок» она начинает с известного силлогизма «характер как судьба» и как пример приводит судьбу мужа и свою жизнь. Ее рассказ, казалось бы, о незначительном случае, произошедшем за столом великого князя Петра Федоровича в Царском селе в мае 1748 г., иллюстрирует значение правильного поведения в «обществе». Великий князь

ре выверять свое поведение и слова как определенный текст в значительной степени способствует появлению и развитию мемуарной литературы в придворной среде. Элиас отмечает, что большая часть этих мемуаров была «продолжением социальной игры», «разговором в скрытой форме, когда по тем или иным причинам отсутствует собеседник»¹. И мемуары Шаховского, и Екатерины II тому подтверждение. Первые содержат бесконечное изложение бесед и споров автора, вторые ориентируются на французские образцы придворной прозы (письма мадам де Севинье, сочинения маркизы де Лафайет и др.), и в то же время всегда обращены к конкретному адресату (не случайно первая сохранившаяся редакция-конспект мемуаров Екатерины конца 1750-х гг. — это письмо, адресованное, по-видимому, графу С. А. Понятовскому²).

Люди, образующие «общество двора», постепенно, с увеличением «культурного багажа», превращаются в «придворное общество», приобретая навыки *«homme du monde»*³. Об этом свидетельствует как интерес к литературе соответствующего характера, так и новые модели поведения. Среди рукописных книг первой половины XVIII в. имеются многочисленные списки перевода трактата-наставления Х. Г. фон Бесселя, адресованного придворным «политикам»³. В материалах дела А. П. Волынского встречается любопытный эпизод, подтверждающий распространенность этого сочинения: подсудимый

«привык к грубым и пошлым выражениям, которые в хорошем обществе, хотя бы употребляемы были в шутку, считались грубой бранью и которые в особенности должны были не нравиться людям мелочным и привыкшим придиаться более к словам, чем к смыслу». «Однажды, когда обедал у нас генерал Бутурлин и очень смешил великого князя, последний от полноты веселья, разражаясь смехом и откинувшись на стул, вдруг хватил по-русски: «О, этот сукин сын меня уморит сегодня». Я сидела около него и почувствовала, что это слово не пройдет без пересудов и толков, и покраснела за него». «Бутурлин замолчал», но вскоре он «передал это императрице, которая вела сказать своим придворным, чтобы они не являлись больше к столу великого князя». «Бутурлин никогда не мог забыть этого слова и незадолго до своей смерти <...> он еще говорил мне: «Помните ли вы приключение в Царском селе, когда великий князь назвал меня за столом, публично, сукиным сыном?» Вот результат, который часто влечет за собой нескромное слово, сказанное неосторожно: оно никогда не изглаживается» (Записки императрицы Екатерины Второй. С. 121–122.)

¹ Элиас Н. О процессе цивилизации. Т. 2. С. 278.

² Записки императрицы Екатерины Второй. С. 467–499.

³ Светский человек (фр.). (Прим. ред.)

³ Bessel Ch. G. Faber Fortunae Politicae, Monitis ad vitam politicam admodum necessariis & saluberrimis. Hamburg, 1673; idem. Schmiede des politischen Glück. Darinnen vielenützliche Lehren enthalten. Frankfurt und Hamburg, 1673.

утверждал, что о коварствах придворных «начитался в книге „Политического счастья ковач“», на что члены следственной комиссии Г. П. Чернышев, кн. Н. Ю. Трубецкой и А. И. Румянцев возразили: «...эта книга нам известна, да нет в ней того, что ты в письме своем написал»¹. В сочинении Бесселя, обращенном к «придворному человеку», автор учит его светскому обхождению и поведению при дворе, где необходимо быть достаточно образованным, но не слишком предаваться «во филозофию». «Политику» необходимо «временщикам и высоких министров склонности искать», поскольку следует «дворовое состояние или владение Государя уподобляти кузнице, в которой счастья ковачи фавориты»². В 1737 г. В. К. Тредиаковский опубликовал перевод трактата «Истинная политика знатных и благородных особ»; не зная имени автора, он полагал, что им мог быть сам Фенелон, между тем как в основе перевода лежала французская компиляция книжки Бесселя³. В 1741 г. появилась еще одна книга наставлений, под громким титулом «Придворный человек»⁴, и она пользовалась спросом, так что в 1760 г. вышло ее второе издание. Распространенность этих руководств является красноречивым свидетельством заинтересованности столичной элиты в познании «дворского обхождения». Очевидно, что за какие-то полвека при русском дворе совершился определенный прогресс самоконтроля и «цивилизованности»⁵. Теперь рукоприкладство заменила светская беседа, а ругательства сменила тонкая и неоднозначная словесная колкость⁶. Те вельможи, которые не смогли подчинить свои аффекты

¹ Николаев С. И. Литературная культура петровской эпохи. СПб., 1996. С. 29.

² ОР РНБ. Ф. 550. Q. II. 35. Кузница политического счастья. Л. 4; ОР РНБ. Ф. 550. F. II. 68. Христиан Георгий фон Бессель. Новоумноженный политический счастья ковач. Л. 20, 52.

³ [Remond Des Cours N.] La véritable politique des personnes de qualité. Paris, 1692.

⁴ Балтазара Грациана Придворной человек с французского на российский язык переведен Канцелярии Академии Наук Секретарем Сергеем Волчковым СПб., 1741. Книга испанского моралиста Б. Грасиана (1600–1658) «Карманный оракул» была переведена в 1684 г. на французский Амело де ла Усс и вышла в Париже как «L'Homme de Cour». Это издание и было использовано Волчковым для перевода, вышедшего сначала с посвящением Анне Леопольдовне, а после возвращения тиража в типографию книга появилась с новым посвящением – императрице Елизавете.

⁵ Это замечают иностранные наблюдатели. См., напр.: Записки г. де ла Мессельера о пребывании его в России с мая 1757 по март 1759 года // Русский архив. 1874. Кн. 1. Вып. 4. Стлб. 971, 989.

⁶ Впрочем, как отмечает Дейндан, даже в Вене и Версале: «придворная жизнь никогда не была так хорошо организована, как предписывали настав-

национальным правилам игры, часто теряли выгодные преференции или попадали в опалу. Придворные, приобретая навыки «светского человека», стремились воспитать согласно идеалам «придворного общества» и своих детей, поэтому даже глава Кабинета императрицы барон И. А. Черкасов, который, по словам прусского посла, «самый грубый, самый неотесанный и самый кляузный из всех русских»¹, рафинированный, по мнению дипломатов, граф М. И. Воронцов отправляет своего племянника в Версаль в элитную школу шеволежеров (*École des chevaux légers*)², где он учится с детьми титулованной французской аристократии³, а барон С. Г. Строганов посыпает сына в «Grand Tour» по Европе⁴.

В то же время, двор вызывал у дворян двойственные чувства, о чем свидетельствует литература второй половины века. Восторг от внешнего блеска двора сменился осознанием противоестественности придворного лицемерия и фальши, поиском «естественности» в буколическом «бегстве к природе». Все тот же Шаховский идиллически описывает свою жизнь после отставки в подмосковной деревне, где он дает волю своей охоте «к регулярным деревьям и цветам насаждениям», и находит воздух «чистый и без таких заразительных частиц», какие «в царских и великомочных господ домах от многостесняющихся людей и разными смятениями обремененных сердец дыханиями воздух заражают»⁵. Дворянство было очаровано величием и роскошью придворной жизни, тем внешним фасадом, который поражал всех, кто впервые видел двор⁶. Но опасности, подстерегав-

ления и руководства», жалобы о конфликтах, беспорядках и «дурном поведении» бесконечно повторяются наблюдателями, поэтому полный «порядок при дворе был почти недостижимым идеалом». См.: Duindam J. Rival Courts in Dynastic Europe. P. 86, 92.

¹ Финкенштейн. Общий отчет о русском дворе. С. 325.

² Гвардейская кавалерийская школа. (Прим. ред.)

³ «В школе учились отпрыски высшей знати Франции» (*L'école était composée de la meilleur noblesse de France*). См.: [Воронцов А. П.] Notice sur ma vie // Архив кн. Воронцова. Кн. 5. М., 1872. С. 85.

⁴ См.: Jaeger S. Alexander S. Stroganov (1733–1811): Sammler und Mäzen im Russland der Aufklärung. Köln–Weimar, 2007. В приложении опубликована его интересная переписка с отцом из образовательного путешествия по Европе.

⁵ Шаховской. С. 159.

⁶ А. Т. Болотов наблюдает двор в 1752 г.: «Зрелище толико великолепное: бесчисленное множество бриллиантов, сладкое согласие музыки и все прочие предметы приводили все чувства мои в восхищение. Я не мог всему довольно насладиться, и мне казалось, что в месте сем был сущий тогда рай» (см.: Болотов А. Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные са-

шие придворного вблизи трона государя, заставляли его отказываться от придворной карьеры, и только амбициозные люди могли здесь устоять. Не случайно бывший фаворит Петра II И. А. Долгоруков, будучи в сибирской ссылке, заклинал своих детей, «чтобы никто из них не ходил ко двору» – поэтому его сын Михаил отказывается от камер-юнкерского чина при дворе Елизаветы¹. В. Н. Татищев в своей «Духовной», обращаясь к сыну, не советует ему искать придворных чинов, «понеже тут лицемерство, коварство, лесть, зависть и ненависть едва не всем ли добродетели предходят». Наконец, он прямо говорит сыну: «кроме повеления монаршеского, никак сего чина не ищи и никакими тут благополучии не льстися»².

Позитивные и негативные эмоции дворян от пребывания при дворе, полагал Н. Элиас, были связаны с амбивалентным положением этой социальной группы. Позитивные включали в себя «гордость своим социальным превосходством, лучшими манерами, лучшим семейством, лучшим воспитанием и образованием». Действительно, это «хорошего общества», благодаря подражанию двору, постепенно транслируется на поведение дворянина. Так, А. Т. Болотов признается, что «живучи в Петербурге» в 1750-е гг. «навык я несколько светскому обхождению и лишился многих деревенских грубостей». Именно в эту эпоху, по его мнению, «светская нынешняя жизнь уже получила свое основание» и «входил в народ тонкий вкус во всем»³.

Негативные эмоции придворного были порождены «принуждением власти, которое эмоционально локализуется в определенных, обладающих более высоким рангом лицах или группах». Эти чувства могут выражаться «и в нечетко локализованном недовольстве, в формах романтического пессимизма и обычно также в негативном восприятии столь же неизбежного цивилизационного самопринуждения»⁴. Но особенность положения членов элиты была такова, что они, хотя и «потрясают своими цепями», «не могут от них избавиться», так как

мим им для своих потомков. Т. 1. М., 1993. С. 183). В 1759 г. Д. И. Фонвизин писал о дворе: «Признаюсь искренно, что я удивлен был великолепием двора нашей императрицы <...> дворец казался мне жилищем существа выше смертного» (см.: Фонвизин Д. И. Чистосердечное признание в делах моих и помышлениях // Собрание сочинений. В 2-х т. Т. 2. С. 92). И. М. Долгоруков, описывая празднество при дворе Екатерины в 1782 г., заключает: «...все это вместе составляло для меня очаровательнейшую картину земного рая» (см.: Долгоруков И. М. Повесть о рождении моем, происхождении и всей жизни. Т. 1. СПб., 2004. С. 64).

¹ Долгоруков И. М. Повесть о рождении моем, происхождении и всей жизни. Т. 1. С. 16.

² Татищев В. Н. Избранные произведения. С. 144–145.

³ Болотов А. Т. Жизнь и приключения. Т. 1. С. 193–94.

⁴ Элиас Н. Придворное общество. С. 275.

от этих уз зависит их привилегированное социальное положение. Поэтому «негативные ощущения могут найти свое символическое выражение в форме проекции своих собственных идеалов на мечту о лучшей, более свободной, более естественной жизни, в прошлое». Так рождается «аристократическая романтика», которая идеализирует природу, «естественного человека» или историческое прошлое. Впервые на это явление, в отечественном варианте, обратил внимание Г. А. Гуковский, назвав его «помещичьим руссоизмом»¹. Родоначальником этой «романтизации» стал в 1759 г. А. П. Сумароков в своей статье «О красоте природы»², его идеи подхватили литераторы так называемой «сумароковской школы», группировавшиеся вокруг московского журнала «Полезное увеселение» (1760–1762). В 1760 г. М. М. Херасков в статье «Непристойный титул»³ положил начало идеализации прошлого в русской дворянской литературе. М. М. Щербатов развил эту тему в своих публицистических сочинениях, противопоставляя, в частности, развернутым придворным нравам «твердость в сердцах наших предков», которая не давала монарху безнаказанно посягать на права «лучших людей», т. е. аристократии. Но какие бы грезы ни манили русского дворянина, он должен был соразмерять свое поведение с требованиями «придворной культуры», считаться с ней и действовать в ее рамках. Сами зачинатели «аристократической романтики» в России – А. П. Сумароков и М. М. Щербатов – провели большую часть своей жизни при дворе, следуя его требованиям и непосредственно апеллируя в своих сочинениях к представителям «хорошего общества».

Заключение

Изучение «системы двора», начатое Н. Элиасом, стало значимым направлением в современной историографии раннего Нового времени. Несмотря на критику немецкого социолога и реинтерпретацию

¹ Гуковский Г. А. Очерки по истории русской литературы XVIII века. Дворянская фронда в литературе 1750-х – 1760-х гг. М.–Л., 1936. С. 94.

² Он противопоставляет жизнь в деревне принуждениям двора: «...притворства я здесь не вижу, лукавство здесь не известно. Одеваюся я как мне покойно, говорю и делаю, что я хочу и в поведении своем кроме себя никому не даю отчета <...> и удалившись света в простоте и в моем единении обретаю время золотого века» (Трудолюбивая пчела. 1759. С. 312).

³ Здесь Херасков утверждает, что «предки наши» «жили с скрытым именем, но с открытым сердцем», он противопоставляет придворной суете постыдство добродетелей, поэтому истинный наследник своих дедов, «любя истины, пред лицом сильного не страшится защищать ее, а лести и клевет убегает» (цит. по: Гуковский Г. А. Указ. соч. С. 55.)

его концепции «придворного общества» современной исторической наукой, ряд ее положений имеет большое значение для анализа поведения правящей элиты в XVII–XVIII вв. В то же время новейшие компаративистские исследования позволили пересмотреть традиционную схему «упадка аристократии» и «возвышение абсолютизма» в Европе раннего Нового времени. Монархические дворы этой эпохи были не только «полем господства» монарха, но и пространством кристаллизации и консолидации элиты и в то же время – источником ее власти и влияния. Двор играл важнейшую роль в структуре властовования в условиях становления еще слабого бюрократического аппарата и сохранения значения земельной аристократии. Система двора позволяла монарху не только контролировать элиту и перераспределять ее власть, но и использовать ее статус и влияние для реализации своего господства. При этом элита, в свою очередь, оказывала существенное воздействие на политику монарха, поэтому двор был по своей сути двойственным социальным феноменом – скорее свидетельством взаимовлияния, чем однонаправленного господства.

Элементы «придворного общества» можно обнаружить при Московском дворе XVII в., однако, по своей сути, он был явлением средневековым, тесно связанным с корпоративным родовым мышлением, основанном на традициях и обычаях, а не на гибкой системе ценностных ориентаций. Только с развитием индивидуализации в петровскую эпоху могли сложиться новые отношения внутри правящей элиты, способствовавшие появлению культуры «придворного общества».

Петр Великий, проводя свои кардинальные реформы, менее всего нуждался в сдерживающем и сковывающем его московском дворе, поэтому, фактически разрушив его систему, он использовал только ее обслуживающие хозяйственны элементы. Придворные чины, появившиеся в Табели о рангах, были первоначально скорее декоративными, чем имеющими подлинное значение. Новый европеизированный двор начинает складываться только в 1730-е гг., когда императрица Анна Иоанновна утверждает его штаты и инструкции. Этот процесс продолжается в течение всего XVIII в., так же, как и развитие «придворного общества», новой социальной «фигурации» правящей элиты, консолидирующейся вокруг монарха. Появление системы двора было во многом связано с кризисом 1730 г., отразившим существенные проблемы в отношениях элиты и самодержавия. Царствовавшие после Петра монархи не могли самостоятельно контролировать ни деятельность административных учреждений, ни социальные процессы на местах, они нуждались в таком механизме власти, который позволил бы им управлять империей посредством активного участия элиты в процессе принятия решений и распреде-

лении властных полномочий. Наиболее адекватной и эффективной в этой структуре властовования оказалась система двора, позволявшая монарху контролировать представителей элиты, ранжировать их статус, разделять между ними доверие, власть и полномочия. В свою очередь, элита использует двор в своих родовых и индивидуальных стратегиях господства, оспаривая влияние на монарха.

Жизнь при дворе была тесно связана со специфическим типом «рационализации» – она требовала подчинения аффектов социально значимым целям личности и поэтому вела к трансформации моделей поведения представителей русской элиты. «Придворный человек» отличался контролем своей внутренней и внешней жизни, наблюдением за собой и окружающими, что постепенно вело к усложнению его психологии и способствовало процессу индивидуализации, нашедшему свое выражение в развитии эго-документов (дневники, мемуары, автобиографические записки). Система «придворного общества» изменяет и саму правящую элиту: она все более унифицируется и сплачивается, процесс интеграции семейных кланов «фамильных» и «фаворитов» порождает к концу XVIII в. новую, по своей сути, элитарную группу, структурированную на основе своих отношений к правящему дому. «Придворное общество» становится также и социальной основой для возникновения ранних форм «общественного мнения» и культуры «аристократической романтики».